

13604

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОФ. В. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ
НАРОДНЫЙ ДОМЪ
ЕГО ЗАДАЧИ И ОБЩЕ-
СТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

13604

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ брошюры, а именно глава 1-я, представляет собою 3-е издание доклада Профессора В. Я. Данилевскаго Харьковскому Обществу Грамотности, сдѣланнаго 25 октября 1917 г. и дополненнаго здѣсь вставками въ текстъ. — Въ главѣ 2-й читатель найдетъ подробный перечень тѣхъ учреждений, которыя могутъ быть помѣщены въ Народныхъ Домахъ. Въ тѣхъ же даны нѣкоторыя практическія указанія относительно ихъ устройства и дѣятельности, которыя могутъ оказаться полезными для учредителей такихъ Домовъ. Наконецъ, въ этой-же второй главѣ читатель найдетъ нѣсколько указаній на участіе Земства и Кооперативовъ въ дѣль устройствъ Народныхъ Домовъ.

РЕДАКЦІЯ.

Въ трудѣ—право.

Въ знаніи—сила,

Въ правдѣ—счастье.

I.

ВО ВСѢХЪ сферахъ человѣческой дѣятельности и прежде всего—въ самомъ тѣлѣ человѣка, въ его органахъ—въ сердцѣ, мозгѣ, мускулахъ и т. д. всегда и повсюду проявляется могучій естественный или фізіологическій законъ *равновѣсія*—именно *чередованія работы и покоя, труда и отдыха*. Постоянный, непрерывный трудъ ведетъ къ усталости, обезсилію, и если это длится долго, то не только временно истощается запасъ силъ, но рѣзко понижается работоспособность и на будущее время; можетъ произойти порча даже непоправимая, „живая машина“ оказывается надолго или окончательно поврежденной. Но съ другой стороны, постоянный, непрерывный покой, отсутствіе работы, проще говоря—пустота жизни, праздность и бездѣлничанье также не проходятъ человѣку даромъ; рано или поздно, такъ или иначе, оно пагубно отозвется въ будущемъ; оно становится тягостнымъ для самого человѣка, который стремится какъ нибудь, чѣмъ нибудь „заполнить пустоту“, не разбирая средствъ, не ставя себѣ разумной цѣли, лишь бы *инстинктивно* удовлетворить требованіямъ того же закона, который для нормальной, здоровой жизни ставитъ обязательнымъ условіемъ постоянную смѣну труда и покоя. Если наши мускулы совсѣмъ перестаютъ работать, они даже перерождаются, вполне утрачиваютъ свои нормальныя свойства, способность работать, какъ напр. во время паралича или поврежденія нервовъ. Аналогичное состояніе при такомъ же условіи недѣятельности наблюдается и въ нервной системѣ, въ органахъ чувствъ. Напротивъ, правильная смѣна работы и отдыха какъ для мозга, такъ и для мускуловъ, есть основное цѣлесообразное условіе для сохраненія силъ и здоровья этихъ важнѣйшихъ органовъ; чередованіе дневного труда и ночного покоя—сна—является естественнымъ

и всеобщимъ выраженіемъ упомянутого фізіологическаго закона. Явленія сна наблюдаются во всемъ животномъ мірѣ и въ извѣстномъ смыслѣ даже у растений. Каждое живое существо, человѣкъ или животное, которое тратитъ свои запасы силы и вещества для своей жизнедѣятельности и для работы, нуждается въ отдыхѣ и въ питаніи для достаточнаго пополненія своихъ затратъ въ тѣлѣ, для возстановленія своего здороваго фізіологическаго равновѣсія, запасовъ силы и питательныхъ веществъ въ органахъ; безъ этого не будетъ прежней бодрости, энергіи, не будетъ трудоспособности, не будетъ и охоты къ труду. Таковъ законъ природы и для человѣка! Однако повседневная практическая жизнь подчиняется своимъ собственнымъ правиламъ; она, къ сожалѣнію, пока еще такъ мало интересуется научными теоріями и выводами. Тамъ, гдѣ такъ властно господствуютъ стремленія къ наибольшей выгодѣ и только къ матеріальнымъ благамъ, тамъ больше заботятся о работѣ и всего меньше объ отдыхѣ.

Человѣку, по его природѣ какъ живого существа, свойственно считать зломъ все то, что понижаетъ его жизнедѣятельность, его чувство силы и бодрости. Отсюда понятно, что его трудъ или систематизированная работа, сопряженная съ преодоленіемъ трудностей и препятствій, съ усиліями и напряженіемъ воли, а отсюда и съ затратою жизненной энергіи и утомленіемъ, считается непріятною обязанностью и неизбѣжнымъ зломъ. Человѣкъ инстинктивно стремится уменьшить принудительность или обязательность своей трудовой тяготы и тѣмъ повысить свое настроеніе довольства и душевнаго благосостоянія. Противъ такого инстинктивнаго стремленія къ беззаботной праздности и бездѣлію успѣшно могутъ бороться лишь сознаніе своего долга и принятыхъ на себя обязательствъ во имя блага семьи и всего коллектива и убѣжденіе въ личной и соціальной цѣнности трудовой жизни, какъ источника духовныхъ и матеріальныхъ ея благъ. Для того, чтобы культурныя богатства не были отравлены ядомъ лишеній и страданій трудящихся, надо къ обязательности труда присоединить право на наслажденія и радости жизни, на свѣтъ и свободу (*Lux, Labor, Libertas!*). Но осуществленіе этого права можетъ быть плодотворнымъ только тогда, когда усталость и утомленіе человѣка не перешли извѣстной мѣры, когда не угрожаетъ еще истощеніе силъ. Интересы и человѣка, и всего коллектива, и самого дѣла требуютъ строгаго послушанія требованіямъ *гигіены труда*,

которыя одинаково относятся и къ физической работѣ, и къ умственной, и прежде всего къ „подкрѣпленію силъ“ сномъ и отдыхомъ, при достаточномъ питаніи.

Жизнь рабочаго человѣка сложилась такъ, что кромѣ праздниковъ и среди его дневной работы оказывается надобность не только въ физическомъ отдыхѣ, но и вообще въ досугѣ, когда онъ могъ бы головой и сердцемъ освѣжиться отъ трудовой тяготы. Однообразіе мускульнаго труда, большое физическое напряженіе, отсутствіе одновременной умственной работы или слишкомъ *односторонне* напряженное вниманіе — все это превращаетъ человѣка въ автомата, дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на его душевное настроеніе, угнетаетъ бодрость духа, свѣжесть чувства, силу мысли. Отсюда понятно, почему послѣ тяжелаго, однообразно-утомительнаго труда, во время праздничнаго досуга, такъ часто является разгулъ, какъ роковая реакція, безъ удержу, безъ стѣсненія... Это не есть результатъ „злой воли“ или „дурнаго воспитанія“, или „порочныхъ склонностей“ — вовсе нѣтъ: это пьяное веселіе всего чаще является *инстинктивнымъ*, естественнымъ протестомъ противъ гнета тяжкаго, оупляющаго труда, противъ заботъ и лишеній... Конечно, не слѣдуетъ слишкомъ обобщать это положеніе, не слѣдуетъ игнорировать и другія причины и условія, ведущія къ таковымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ; но мнѣ кажется, нельзя и отрицать, говоря вообще, пропорциональности между гнетомъ однообразно-утомительной, подневольной работы и веселымъ разгуломъ, слѣдующимъ за нею, какъ естественная реакція.

Аналогичное мы наблюдаемъ и въ интеллектуальной сферѣ: чрезмѣрное напряженіе умственнаго труда вызываетъ по временамъ невольное стремленіе къ развлеченію, веселости; это есть естественная дань закону равновѣсія. У людей, особенно у практическихъ дѣльцовъ, которыхъ умъ постоянно занятъ сильною работою съ неизбѣжными волненіями и заботами, такъ часто является потребность въ легкихъ развлеченіяхъ, лишенныхъ даже всякой художественной, эстетической цѣнности (наблюденія американскихъ врачей и др.).

Но если нашъ досугъ мы посвятимъ такимъ развлеченіямъ, которыя сами по себѣ потребуютъ извѣстнаго напряженія ума, вниманія, мускуловъ, или сильныхъ эмотивныхъ переживаній (азартныя игры, театръ съ „потрясающими“ драмами, чрезмѣрно тяжелыя прогулки и т. п.), то понятно, такое времяпрепровожд-

деніе не можетъ дѣйствовать освѣжающимъ образомъ. Оно само по себѣ способно и испортить настроеніе, и вызвать усталость; такимъ досугомъ нельзя возстановить равновѣсія ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ силъ. Всякое удовольствіе и наслажденіе, всякое развлеченіе и увеселеніе можетъ сдѣлаться зломъ, источникомъ страданій, если переходитъ границы, устанавливаемые разумомъ и здоровымъ чувствомъ мѣры.

При ненормальныхъ условіяхъ труда, умственного и физическаго, ведущихъ къ опасности разстройства и заболѣванія, у насъ невольно возникаютъ различныя чувства, эмоціи, помыслы и побужденія—такъ сказать—защитнаго или оборонительнаго свойства, которыя дѣйствуютъ въ смыслѣ ослабленія или устраненія этого зла. Такъ напр. самое чувство усталости предостерегаетъ насъ отъ дальнѣйшей работы, указывая собою на необходимость отдыха для возстановленія нормальныхъ условій въ мозгу и мускулахъ; хотя этотъ предохранительный сигналъ самъ по себѣ и вполнѣ субъективнаго характера, а потому и не всегда заслуживаетъ довѣрія, но все же онъ чаще всего совпадаетъ съ объективными признаками усталости: понижается прежняя ловкость и изощренность, быстрота и вѣрность движеній руки, ослабляется глазомѣръ, чаще встрѣчаются ошибки, недочеты въ работѣ и т. п. Совершенно аналогичное мы встрѣчаемъ и при умственной усталости.

Далѣе, чувство скуки при однообразной утомительной работѣ, конечно, имѣетъ такое же защитное свойство, побуждая человѣка, если не къ полному отдыху, то по крайней мѣрѣ къ перемѣнѣ рода занятій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенно наблюдается нѣкоторый подъемъ бодрости и энергіи, которыя такъ легко у насъ ослабѣваютъ вслѣдствіе скучныхъ, надоедливыхъ занятій. Наконецъ, инстинктивно возникающіе помыслы о праздничной загородной прогулкѣ на лонѣ природы или о болѣе далекой поѣздкѣ куда либо, для которой мы такъ добросовѣстно затѣмъ подыскиваемъ инныя причины или оправданіе, являются результатомъ тѣхъ же самозащитныхъ процессовъ въ нашемъ мозгу, тѣхъ же невольныхъ стремленій къ возстановленію своихъ силъ и настроенія.

Если правильнымъ, разумнымъ распредѣленіемъ времени между работою и физическимъ отдыхомъ мы стремимся сохранить мускульныя силы и увеличить производительность физическаго труда, то рядомъ съ этимъ надо всегда помнить, что работоспособность зависитъ не только отъ воли человѣка,

но также и отъ душевнаго его настроенія. Если сравнить степень полезности работы двухъ рабочихъ при совершенно одинаковыхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, условіяхъ, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что одинъ изъ нихъ находится въ состояніи душевнаго угнетенія, а другой, напротивъ, вполне бодрый, жизнерадостный, то понятно, трудъ втораго окажется гораздо производительнѣе и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ. При тѣхъ же спеціальныхъ знаніяхъ, при томъ же навыкѣ и умѣньи. второй рабочій отнесется къ своему дѣлу съ большимъ интересомъ, съ большимъ вниманіемъ. Напротивъ, удрученное настроеніе перваго рабочаго, душевная тягота мѣшаютъ ему приложить свои силы, знаніе и умѣнье такъ полно и цѣлесообразно, какъ онъ это сдѣлалъ бы при лучшемъ душевномъ строѣ; онъ меньше соображаетъ, работаетъ машинально, какъ автоматъ; онъ относится безразлично къ тому, что и какъ выйдетъ изъ его работы. Давнымъ давно уже признано, что цѣнность и достоинство труда, его полезность и производительность, опредѣляются не однимъ лишь количествомъ затраченнаго физическаго труда; необходимо еще участіе умственнаго труда, нужны еще знанія и умѣнье примѣнить ихъ на дѣль, приспособлять въ каждомъ данномъ случаѣ; нужна бодрость и работа мысли. Чѣмъ сложнѣе механическая работа, тѣмъ важнѣе участіе ума; знающій и сообразительный рабочій производитъ трудъ несравненно болѣе цѣнный, чѣмъ другой мало понятливый, хотя бы и болѣе сильный, болѣе выносливый. Не мало было случаевъ, когда смѣтливый мастеровой или рабочій, занимаясь своимъ дѣломъ съ полнымъ вниманіемъ, обдуманно, подмѣчалъ тѣ или иные недостатки производства и умѣлъ, по своей инициативѣ, найти способы исправленія такихъ техническихъ недочетовъ. Какъ ни мелочны, быть можетъ, такія поправки, такія улучшенія, исходящія отъ простаго рабочаго, но все же они способствуютъ успѣху производства; изъ этихъ мелочей можетъ современнымъ произойти и создаться что нибудь и крупное. Наконецъ важна здѣсь и—такъ сказать—моральная сторона дѣла: рабочій вноситъ въ свой трудъ не только физическую силу, но и *работу мысли, интересъ къ дѣлу, стремленіе къ его улучшенію*. Вотъ почему представители промышленности, разумно относящіяся къ своему дѣлу, такъ поощряютъ малѣйшія проявленія личной инициативы рабочихъ въ дѣлѣ улучшенія труда и производства; вотъ почему тѣ же фабриканты и заводчики предпочитаютъ грамотныхъ

рабочихъ, особенно получившихъ хотя бы начатки образованія, ибо у нихъ мысль работаетъ живѣе, вниманіе привыкло умственно сосредоточиваться, не говоря уже о большихъ ихъ познаніяхъ. Конечно, и среди безграмотныхъ можетъ найтись первоклассный техникумъ-рабочій, но кто же говоритъ объ исключеніяхъ? Наконецъ, производительность того же безграмотнаго виртуоза-рабочаго, несомнѣнно, значительно возрасла бы, если бы онъ получилъ хоть какое нибудь образованіе, если бы его знанія были получены систематическимъ школьнымъ обученіемъ, а не только отрывочно эмпирически—путемъ практики и навыка. Не нужно забывать, что школа даетъ не только извѣстную сумму знаній, но—что очень важно—также и нѣкоторые умственные навыки, умѣнье пользоваться знаніями и сосредоточиваться на опредѣленномъ заданіи мышленія; школа приучаетъ къ систематической умственной работѣ. Еще въ 1824 г. въ официальномъ докладѣ Департамента торговли Министру Финансовъ, графу Канкрину, было сказано, что „послѣ множества опытовъ, наконецъ, убѣдились, что просвѣщеніе есть, хотя и не самое быстрое, но за то самое надежное средство къ усовершенствованію промышленности“. (Интересно, что въ это же время министръ *Шишковъ* писалъ: „Истинное просвѣщеніе должно состоять въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости... Обучить грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное число онаго количества принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы“. Юношество надо оберегать отъ заразы „лже мудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью“ и т. д.).

На основаніи свѣдѣній и отзывовъ, полученныхъ отъ многихъ *русскихъ* фабрикантовъ, заводчиковъ и сельскихъ хозяевъ, преимущества *грамотнаго* рабочаго, сравнительно съ неграмотнымъ, можно свести къ слѣдующему. Грамотный пригоднѣе къ работѣ по большей смѣтливости, сообразительности; онъ толковѣе, опрятнѣе и аккуратнѣе работаетъ, производитъ больше, скорѣе воспринимаетъ нововведенія въ трудѣ, добросовѣстнѣе относится къ работѣ; онъ можетъ понять чертежъ, планъ; охотнѣе берется за новинку, за земледѣльческія орудія, тогда какъ неграмотный считаетъ все пустой затѣей, кромѣ сохи и бороны; трудъ грамотныхъ производительнѣе, отсюда и повышеніе ихъ заработной платы на 10—25% и больше (*А. В. Горбуновъ*).

Для мастеровыхъ рабочихъ—столяровъ, слесарей, кузнецовъ и др. на заводахъ и въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ

заработная плата грамотныхъ, примѣрно, въ объемѣ начальной школы, повышается на 9—15% сравнительно съ неграмотными (*Л. Л. Гавришевъ*), а въ другихъ мѣстахъ начатки образованности, помимо *профессиональнаго* обученія, поднимаютъ заработокъ на 14—41%; на столько, стало быть, грамотный полезенъ въ работѣ. Въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ элементарное образованіе рабочихъ увеличиваетъ производительность ихъ труда среднимъ числомъ на 25% (*Ек. Янжуль*).

Впрочемъ, все это на столько понятно и общеизвѣстно, что едва ли нужно еще доказывать благотворность участія ума и знанія въ физической работѣ. Выводъ таковъ: работа автомата, хотя бы и живого, цѣнится мало; напротивъ, участіе сознательнаго отношенія къ труду, знанія и соображенія значительно повышаютъ *полезность и цѣнность работы*.

Проф. Чупровъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ выгоды образованія для фабричнаго и ремесленнаго труда: умственно развитый рабочій *скорѣе* выучивается всякому виду труда; онъ требуетъ *меньшаго* надзора; онъ расходуетъ *меньше* матеріала, работаетъ *экономнѣе*; онъ *меньше* портитъ орудія и машины; по всѣмъ этимъ причинамъ рабочій съ нѣкоторымъ образованіемъ получаетъ *большее* вознагражденіе, чѣмъ его неграмотный собратъ.

Процентъ грамотныхъ среди заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ больше, чѣмъ среди всего населенія. Стало быть, эти промышленныя учрежденія извлекаютъ изъ общей массы преимущественно грамотныхъ; развитіе и усовершенствованіе промышленности зависитъ также и отъ стѣпени образованности рабочаго. Тоже самое мы должны допустить, понятно, и для земледѣльческаго труда. И вотъ снова и снова возникаетъ роковой вопросъ: если все это такъ понятно и безспорно, если улучшение народнаго труда и хозяйства въ области земледѣлія и промышленности такъ необходимо для развитія мощи и богатства государства, для благосостоянія народа, то почему же судьба посылала такъ много препонъ и помѣхи для насажденія образованности въ широкихъ слояхъ нашего населенія?...

Такое благотворное вліяніе ума и знанія для человѣческаго труда однако обнаруживается вполне ясно при томъ лишь условіи, если душевная энергія не ослабѣла, если сохранена *бодрость духа*. Для физическаго труда нужны крѣпкіе мускулы, для его улучшения нужны умъ и знанія; но требуется еще *душевная бодрость* для того, чтобы умъ охотно, правильно и

здро̀во работалъ, чтобы знаніе могло бы быть примѣнено свободно и разумно, съ пользою. Очевидно, необходимо заботиться не только о мускульной силѣ, о сохраненіи физическаго здоровья, и не только о грамотности и спеціальныхъ знаніяхъ рабочаго человѣка, но необходимо еще имѣть въ виду огромное значеніе умственной бодрости; нужно позаботиться еще и о томъ, чтобы физическая работа, съ ея однообразіемъ и машинообразностью, не породила бы угнетеннаго настроенія, не превратила бы его въ безучастнаго къ дѣлу автомата. Умъ и знаніе должны быть живымъ орудіемъ, которое тѣсно сочетается съ профессиональнымъ трудомъ, со всякою осмысленною работою. Въ этомъ сходятся и задачи самаго дѣла, и интересы самого работодателя, фабриканта. Никакой строгій надзоръ, никакое внѣшнее принужденіе со стороны какого нибудь надзирающаго не дадутъ такого живого плодотворнаго участія ума въ производствахъ, какъ добрая воля и интересы разума. Представители фабричной медицины доказываютъ, что для дѣйствительности такого сочетанія ума и физической работы необходима извѣстная бодрость, живая энергія мозга, которая замѣтно падаетъ при напряженномъ длительномъ трудѣ, особенно при плохомъ питаніи и при недостаточномъ отдыхѣ. Отсюда при такихъ плохихъ условіяхъ и развивается инстинктивное у многихъ стремленіе къ спиртнымъ напиткамъ, какъ къ простому и вѣрному подбадриванію. Недостаточность отдыха, неразумное пользованіе праздничнымъ досугомъ, плохое питаніе, алкогольная наркотизація—все это приводитъ къ тому печальному исходу, на который такъ настойчиво указываютъ гигиена и медицина—къ хилости, къ пониженію выносливости и работоспособности. Тамъ, гдѣ имѣются лишь грубая физическая работа, гдѣ психика мало участвуетъ въ ея производствѣ, тамъ мозговое освѣженіе во время досуга не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ у того, у котораго трудъ требуетъ бѣльшаго вниманія, соображенія—вообще напряженія ума и который такъ живо сознаетъ ненормальную тяготу своей трудовой жизни. Кто не знаетъ, что непривычка къ умственной работѣ вызываетъ быстрый ея упадокъ, вниманіе слабѣетъ, сообразительность притупляется, а потому работа портится, трудъ ухудшается. Очевидно, страдаютъ интересы и рабочаго, и его хозяина; очевидно, нужно цѣлесообразное распредѣленіе труда во избѣжаніе переутомленія, необходимо разумное пользованіе досугомъ для освѣженія мозга, для возстановленія нервной

силы; необходимо дать доступъ къ здоровымъ развлечениямъ, которыя своимъ разнообразіемъ, свѣжестью и новизною впечатлѣній возбуждали бы интересъ и доставляли бы удовольствіе! Таковы требованія во имя интересовъ и самаго дѣла, и рабочаго, и его хозяина, таковы требованія во имя науки и справедливости...

Но что же дѣлать тамъ, гдѣ гнетущая нужда озлобляетъ и заглушаетъ лучшія стремленія, гдѣ тяжелый трудъ подрываетъ здоровыя силы, гдѣ безпросвѣтное невѣжество сковываетъ умственные интересы? Объ одномъ лишь можетъ просить тогда усталый труженикъ: дайте ему минуту удовольствія, минуту забвенія, дайте досугъ, который бы его освѣжилъ. И если въ это время онъ не найдетъ здороваго развлечения, не найдетъ способа разумно и цѣлесообразно наполнить минуту своего досуга, то что же ему остается? Что ему предоставляютъ окружающая среда и условія? Что ему подсказываютъ семейныя традиции, примѣры товарищей? Чѣмъ же наполнить время отдыха при скудномъ заработкѣ и при дороговизнѣ или отсутствіи общественныхъ здоровыхъ развлеченій? Онъ ищетъ удовольствія, какъ удовлетворенія своей естественной потребности, соотвѣтственно своему характеру, складу ума, наклонностямъ. Удовольствія у дѣтей являются какъ бы наградой за трудъ, за усиліе на работу ученія; у взрослого потребность въ нихъ не исчезаетъ. Они освобождаютъ мозгъ отъ обычныхъ заботъ, тягостей, какъ бы освѣжаютъ его, и это облегченіе испытываетъ и бѣдный, и богатый, если голова черезъ мѣру отягощена заботами и житейскою борьбой или напряженнымъ трудомъ. Чувство утомленія, усталости—это голосъ инстинкта, который предостерегаетъ отъ вредныхъ послѣдствій неразумной траты силъ и бодрости.—Толпа обыкновенно удовлетворяется грубыми, физическими удовольствіями; *притупленныя чувства требуютъ сильнаго возбужденія*, грубые нравы ищутъ и грубыхъ впечатлѣній, отъ угнетеннаго и озлобленнаго настроенія избавляются лишь шумнымъ веселіемъ. Гдѣ же выходъ изъ этого? Гдѣ и какъ бѣдный труженикъ проведетъ свое свободное время? Общество не даетъ ему ничего или почти ничего для удовлетворенія этой естественной потребности; сами же рабочие, будь они фабричныя или землепашцы, или ремесленники—мастеровые, по многимъ причинамъ не въ состояніи организовать разумнаго развлечения, здоровыхъ увеселеній для совмѣстнаго пользованія, для своей среды. Что же ему остается? Кто же удер-

жить его отъ пагубныхъ соблазновъ и обольщеній праздности, отъ дешеваго разгула, навѣваемаго водкой? И вотъ праздничный отдыхъ превращается въ дикое веселіе; винные пары „одурманивають“ человѣка; вмѣсто разумнаго времяпрепровожденія является одичаніе, отупѣніе; вмѣсто здороваго увеселенія разнуждываются дикія страсти, безъ удержа, нерѣдко съ потерей человѣческаго облика; вмѣсто освѣженія чувства, вмѣсто душевной бодрости, праздничный досугъ даетъ лишь „пьяную отраву“, искусственное подбадриваніе, временное самозабвеніе. Одурманенный мозгъ возбуждаетъ разгоряченное воображеніе, которое своими лживыми образами и картинами заглушаетъ дѣйствительную жизнь съ ея терніями и невзгодами; горячая фантазія сулитъ ему счастье, даетъ и богатство, и средства отмщенія; она обнадеживаетъ и радуетъ его... Ну, какъ же слабому человѣку отказаться отъ такого утѣшенія и отрады?... Кто не знаетъ прискорбныхъ послѣдствій такого праздничнаго отдыха? Если водка даетъ возможность на время забыться отъ тягостной дѣйствительности, „наркотизоваться“; если притупленный мозгъ, инстинктивно ищетъ въ ней возбуждающаго средства для приподнятія упавшей душевной энергіи, то все это лишь указываетъ не на разумность этого ядовитаго пособія, а на ненормальность тѣхъ условій, которыя заставляютъ прибѣгать именно къ нему. Бодрость духа, свѣжесть чувства и мысли должны быть поддерживаемы разумными способами, а не „одурманиваніемъ“ и разгуломъ... Если усталый человѣкъ находитъ въ спиртныхъ напиткахъ подкрѣпленіе *своихъ силъ*, то вѣдь это самочувствіе обманчивое: это—кажущійся подъемъ *остатка силъ*, а вовсе не возстановленіе ихъ, онъ тратитъ уже резервы своей энергіи, а вѣдь это такъ вредно и опасно!.. Многое можно было-бы еще сказать на эту тему, но все это вѣдь общепризнано, общеизвѣстно; зло у всѣхъ на виду, всѣ на него жалуются; а что же сдѣлано, чтобы облегчить эту бѣду, устранить зло? Развѣ преувеличиваютъ тѣ, которые разсматриваютъ пьянство, праздничный пьяный разгулъ, какъ истинное народное бѣдствіе? Вѣдь все это, дикое и порочное, совершается на глазахъ всего общества, на глазахъ дѣтей и подростковъ; оно заражаетъ ихъ своимъ тлетворнымъ примѣромъ пьянаго веселія, одичалаго молодечества и удалства. Здѣсь уже нельзя ожидать смягченія грубыхъ нравовъ и сдерживанія дурныхъ инстинктовъ. Невѣжество и праздность всегда идутъ рука объ руку; слѣдомъ за ними—порочность и преступность; лучшія стрем-

ленія глохнуть, человѣкъ черствѣетъ, и если въ время не придетъ разумная помощь, то злой рокъ ужъ не упуститъ своей жертвы, онъ изувѣчитъ самаго гуляку, онъ отомститъ и на его дѣтяхъ...

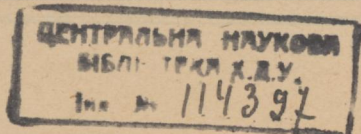
Изъ всего вышесказаннаго понятно, почему устройство разумныхъ народныхъ развлеченій является не прихотью и пустой затѣей, но дѣйствительно, насущною потребностью, почему оно входитъ въ кругъ прямыхъ, неотложныхъ обязанностей и общества, и государства. Сами фабриканты, устраивающіе такіа развлеченія для своихъ рабочихъ, указываютъ на ихъ благотворное вліяніе въ смыслѣ смягченія нравовъ, сохраненія порядка, сбереженія силъ, труда и времени (А. В. Погожевъ). Урегулированіе продажи спиртныхъ напитковъ, какъ-бы цѣлесообразно оно не было задумано и даже выполнено, все таки есть опасный палліативъ и, какъ таковой, не рѣшаетъ вопроса и не устраняетъ вреда тамъ, гдѣ общій культурный уровень стоитъ такъ низко. Основная задача развитія силъ человѣка, его ума и трудоспособности, сбереженія его бодрости и трудовой цѣнности, относится къ области народнаго просвѣщенія и общественнаго воспитанія. Насаждать добрые нравы, поднять просвѣщеніе народной массы, давать поучительныя и образовательныя развлеченія, пробуждать духовныя интересы народа, бороться съ его темнотою и невѣжествомъ—вотъ къ чему надо стремиться, если желаютъ добра народу, если хотятъ облегчить его горе и дать ему то участіе въ благахъ и радостяхъ жизни, на которое онъ имѣетъ такое неотъемлемое право.

Говоря здѣсь о мѣропріятіяхъ на пользу народнаго просвѣщенія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, мы должны признать, что въ рукахъ государства и общества, несомнѣнно, имѣются средства и возможности благотворно вліять въ этомъ направленіи, имѣются широкіе пути для разумнаго воздѣйствія. Но устраивать начальныя школы и выпускать оттуда на волю 12—лѣтнихъ „абитуриентовъ“—еще далеко не значитъ *все* сдѣлать для просвѣщенія широкихъ слоевъ населенія. Окончившій начальную школу уже навсегда отрывался отъ нея, нерѣдко забывалъ и то, чему научился. Прежде, до открытія народныхъ библіотекъ, такъ и бывало даже въ большинствѣ случаевъ. А между тѣмъ въ теченіе десятковъ лѣтъ всѣ заботы ограничивались механическимъ обученіемъ дѣтей грамотѣ—и только. Поддерживать и развивать дальше начатки знанія, простую гра-

мотность, прибрѣтенную въ школѣ и пробуждать сознательный интересъ къ знанію—эта задача появилась сравнительно недавно. Не говоря уже о мѣрахъ противъ *рецидивизма безграмотности*, который сводитъ почти къ нулю всѣ заботы и затраты на начальную школу, и противъ котораго такъ успѣшно борются бесплатныя читальни и библіотеки, остаются еще важныя заботы и существенная задача о *воспитательномъ* воздѣйствіи школы на дѣтей и подростковъ. Не все важное и нужное даетъ обученіе грамотѣ само по себѣ, не все житейски морально необходимое найдетъ школьникъ въ букварѣ. Благія побужденія и добрыя чувства, служеніе добру и правдѣ, уваженіе къ человѣческой личности, развитіе голоса совѣсти, добросовѣстность въ трудѣ и въ поведеніи, стремленіе къ общему благу, уваженіе къ порядку и законности, привыканіе къ чистотѣ и благопристойности—все это дается воспитаніемъ, жизнью, но не усваивается практически изъ школьнаго учебника. Вотъ именно въ этомъ то направленіи, должно разумно и свободно направляться благотворное вліяніе учителя, который сумѣетъ снискать къ себѣ довѣріе и уваженіе и своихъ учениковъ, и ихъ родителей, если ни всяческое начальство, ни хозяева школъ не будутъ ему мѣшать разными помѣхами и препонами, если не будутъ заглушать его добрыхъ начинаній въ указанномъ направленіи. Пора уже отказаться отъ пагубнаго взгляда на школьнаго учителя, какъ на мастера, нанятаго для обученія искусству читать, писать и считать; учитель не ремесленникъ, приглашенный только для классныхъ занятій. Иначе думали лишь тѣ, которыхъ народное просвѣщеніе—въ широкомъ смыслѣ слова—просто пугало изъ за постороннихъ эгоистическихъ побужденій.—Школьный учитель долженъ знать, что ему надлежитъ быть добрымъ воспитателемъ, наставникомъ—въ лучшемъ смыслѣ слова. Чѣмъ дольше остаются ученики уже послѣ школы въ такомъ общеніи съ нимъ, тѣмъ плодотворнѣе результаты его благожелательнаго воздѣйствія. Вотъ почему такъ необходимы *дополнительные вечерніе классы* для подростковъ до 16—17 лѣтъ, стало быть, именно въ томъ возрастѣ, когда разумное воспитательное общеніе оказывается наиболѣе необходимымъ, когда душа юноши такъ впечатлительна и воспріимчива къ хорошему и къ дурному. Характеръ, привычки, наклонности, убѣжденія—все это формируется и укрѣпляется послѣ начального училища, когда уже только *внѣшкольныя просвѣтительныя учрежденія*, правильно и разумно

организованныя, могут оказывать свое *благоприятное воспитательное вліяніе*. Здѣсь дѣти и подростки найдутъ благодѣтельный коррективъ противъ тѣхъ дурныхъ, пагубныхъ вліяній, которыми такъ часто бываетъ окруженъ подростокъ—рабочій, мастеровой или землепашецъ, на улицѣ, на заводѣ, въ мастерской, среди грубой и невѣжественной толпы, вблизи пьянаго веселія... Одно обученіе, сухое и формальное, мало, слишкомъ мало помогаетъ воспитанію юношества; вотъ здѣсь то и приходятъ на помощь *внѣшкольныя образовательно-воспитательныя учрежденія (Народные Дома)*, какъ необходимое дополненіе къ училищной работѣ. Привыкнувъ здѣсь къ хорошему, къ разумному времяпрепровожденію, молодежь потомъ уже и сама не пойдетъ на дурное, грубое, малопристойное; въ этомъ, несомнѣнно, и скажется благотворное воспитательное вліяніе разумныхъ развлеченій, руководимыхъ людьми, понимающими и преданными дѣлу народнаго просвѣщенія, умѣющими внести въ него „Божью искру“... Кстати припомнимъ, что уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ великій педагогъ *Песталоцци*, положившій основаніе для общественнаго воспитанія народа, требовалъ, чтобы всѣ силы человѣка, интеллектуальныя, нравственныя и рабочія, развивались связно и совмѣстно, чтобы въ развитіи „головы, сердца и рукъ“ были гармоническія связь и взаимодѣйствіе.

Выше я уже упомянулъ, что продолжительный, однообразно-утомительный трудъ притупляетъ умъ и сердце и превращаетъ человѣка въ озлобленнаго автомата, въ которомъ при этомъ условіи лучшія стремленія и побужденія такъ легко могутъ быть притуплены и заглушены. Онъ самъ инстинктивно ищетъ выхода изъ этого тяжелаго душевнаго состоянія: въ праздничный досугъ его инстинктивно тянетъ къ увеселеніямъ, которыя разсѣяли бы гнетъ и скуку однообразныхъ трудовыхъ будней. Если современное общество и государство считаютъ обязательнымъ удовлетворять требованіямъ гигиены тѣлесной жизни и физическаго труда, то пришло уже время, когда столь же обязательными являются требованія и *психо-гигиены* по отношенію къ профессиональному труду. Руководясь ея указаніями, мы и придаемъ огромное значеніе разумнымъ развлеченіямъ, какъ полезному и пріятному отдыху, требуемому законами органической жизни. Возбуждаемое ими удовольствіе и умственный интересъ вызываетъ то хорошее душевное настроеніе, которое оживляетъ человѣка и придаетъ ему бодрость.

духа, чувство душевнаго удовлетворенія, а вѣдь въ этомъ и сказывается инстинктивная потребность въ поддержаніи нормальнаго равновѣсія (см. въ началѣ) противъ вліянія скуки и будничнаго гнета... Потребность въ этомъ есть результатъ нашей естественной организаціи; она не всегда, быть можетъ, сознается, но всегда чувствуется и проявляется въ томъ или другомъ видѣ; интересы и запросы ума и сердца при нормальныхъ условіяхъ не могутъ и не должны быть заглушены тяготою мускульнаго или умственнаго труда. И въ этомъ направленіи дѣйствуетъ могучій законъ живой природы—законъ равновѣсія или стройнаго порядка.

Профессіональный трудъ, какъ и школьное обученіе, требуетъ извѣстнаго напряженія ума, памяти, вниманія; большая продолжительность и однообразіе такого состоянія, какъ уже было указано выше, обязательно причиняютъ унылое настроеніе, нѣкоторую подавленность; къ этому такъ часто присоединяется угнетающее вліяніе принужденія, откуда бы оно не исходило, изъ внѣшней ли среды или по внутреннему поводу. Легко понять, почему такая односторонность занятій и вообще времяпрепровожденія не можетъ дѣйствовать благотворно ни на взрослого, ни тѣмъ менѣе на школьника. Вѣдь не надо забывать, что кромѣ ума есть еще сердце, кромѣ мысли, памяти и вниманія, есть еще чувство и воображеніе. Какъ пружину можно безъ опасности согнуть только до извѣстной степени, такъ и эти душевныя свойства и потребности могутъ быть заглушены только на время, въ извѣстной мѣрѣ: чѣмъ сильнѣе гнутъ пружину, тѣмъ сильнѣе она даетъ потомъ размахъ; тѣмъ рѣзче предъявляютъ впослѣдствіи свои требованія сердце, чувство и воображеніе, чѣмъ долѣе ихъ неразумно сдерживали и угнетали. Вотъ почему и личные, и общественные интересы требуютъ своевременнаго и разумнаго воспитанія характера, воображенія, наклонностей и не по какой либо доктринерски, теоретически созданной мѣркѣ, а соотвѣтственно естественнымъ потребностямъ человѣческой души, одинаковымъ по существу для всѣхъ, независимо отъ званія, состоянія, происхожденія....

Вотъ здѣсь то и выступаетъ на первое мѣсто устройство *здоровыхъ, разумныхъ развлеченій*, какъ обязательное, необходимое дополненіе ко всякому труду, физическому и умственному, школьному и профессіональному. Человѣкъ пріучается проводить свой досугъ съ удовольствіемъ, съ явною пользою для себя и отучается отъ бездѣльничанья, праздности, которую

не даромъ издавна считаютъ „матерью всѣхъ пороковъ“. Разумное развлеченіе есть не прихоть и не роскошь; въ немъ оказывается такая же настоятельная потребность, какъ и въ обученіи (*Н. И. Тимковскій*). Особенно важны разумныя развлеченія для людей молодыхъ, подростковъ, у которыхъ еще не сложился умственный укладъ, еще не окрѣпъ характеръ, которые воспріимчивѣе, впечатлительнѣе къ тому, что даетъ театръ, народное чтеніе, хорошая книжка.

Было-бы близоруко разсматривать народныя развлеченія для взрослыхъ только какъ увеселенія, доставляющія забаву, удовольствіе, какъ удобный и легкій способъ праздничнаго времяпрепровожденія. Не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы предсказать, что разумныя и здоровыя развлеченія, организованныя систематически планомѣрно, окажутъ благотворное вліяніе повсемѣстно въ *борьбѣ съ пьянствомъ* и разгуломъ, съ праздною и порокомъ. Если припомнить, какое страшное зло представляетъ собою алкоголизмъ, сколько горя и несчастія имъ причиняется, какъ много порочныхъ и преступныхъ дѣяній возникаетъ на почвѣ опьяненія и алкоголическаго вырожденія, то станетъ понятнымъ, что всѣ затраты силъ, труда и средствъ на устроеніе разумныхъ народныхъ развлеченій, какъ на одно изъ лучшихъ средствъ для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ, возвратятся во истину сторицею. Улучшеніе народнаго труда, сбереженіе рабочей силы, умственной и физической, сохраненіе здоровья, уменьшеніе преступленій, упроченіе общественнаго порядка и спокойствія—вотъ тѣ благодѣтельные послѣдствія, которыя неизбѣжно явятся у насъ результатомъ разумной систематической борьбы общества и самого народа съ пьянствомъ и праздничнымъ разгуломъ. Въ этой борьбѣ общественная совѣсть найдетъ свое удовлетвореніе, общее равнодушіе и безразличный индифферентизмъ будутъ побѣждены и замѣнятся энергичной борьбой съ общимъ врагомъ. Недостаточность матеріальнаго благосостоянія, необеспеченность на „черный день“, пониженіе работоспособности, переполненіе тюремъ, больницъ, домовъ для душевнобольныхъ—развѣ все это не имѣетъ въ основѣ, какъ одну изъ главныхъ причинъ, то-же пьянство или его послѣдствіе—вырожденіе!? Вѣдь все это общеизвѣстно, все роковымъ образомъ совершается на глазахъ всѣхъ, и тѣмъ не менѣе что же мы видѣли до послѣдняго времени? Въ то время, какъ городами, земствами и казною затрачивались десятки милліоновъ рублей на

устройство и содержаніе больницъ и тюремъ, рядомъ съ этимъ такъ часто отказывали въ сотняхъ рублей на устройство *народныхъ просвѣтительныхъ вѣншкельныхъ учреждений*, на устройство *разумныхъ развлеченій*—т. е. на борьбу съ пьянствомъ, которое такъ много посылаетъ своихъ кліентовъ въ тѣ же тюрьмы и больницы... Можно-ли считать цѣлесообразною, разумною борьбу со зломъ, если всѣ мѣропріятія направлены лишь на его *послѣдствія*, если къ одной изъ главныхъ губительныхъ *причинъ* этого зла остаются равнодушными!? По мнѣнію криминалистовъ, „*пьянство, соединенное съ невѣжествомъ народа и отсутствіемъ болѣе или менѣе культурныхъ развлеченій во время отдыха, является одной изъ основныхъ причинъ преступности. именно преступленій противъ личности*“. Статистика показываетъ, что *наибольшій* процентъ преступленій противъ личности и собственности въ цивилизованныхъ странахъ падаетъ на *неграмотную* часть населенія (*Левассеръ*). „Борьба, кромѣ обнищанія, экономическаго обездоленія, и съ этимъ врагомъ народной нравственности (съ невѣжествомъ), предстоитъ упорная и тяжелая“ (*Е. Н. Тарновскій*).

Необходимость борьбы теперь сознается всѣми; ея способы должны соотвѣтствовать этой цѣли и свойствамъ самого врага. А врагъ силенъ! Всякій знаетъ, что вѣншнее проявленіе опьяненія—*веселіе* можетъ дѣйствовать такъ увлекательно, оно легко вызываетъ подражаніе. Удаливость, беззаботность, кажущаяся жизнерадостность пьянаго—все это заражаетъ и манитъ къ тому же одурманиванію. Печальныя же картины глубокаго опьяненія, дикаго разгула, потери человѣческаго облика уже мало устрашаютъ, ибо къ этому у насъ такъ привыкли и дома, и на улицѣ, вездѣ. Вотъ почему борьба съ этимъ зломъ путемъ устройства разумныхъ развлеченій и здоровыхъ увеселеній требуетъ не только силъ и средствъ, но еще цѣлесообразно и систематически составленной программы культурной дѣятельности. Поэтому громадное значеніе могутъ пріобрѣсти именно Народные дома въ *дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ*. Сюда относятся чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и кинематографомъ, какъ научнаго содержанія, такъ и литературнаго, относящагося къ выясненію вреда спиртныхъ напитковъ; выставка различныхъ картинъ, таблицъ, плакатовъ, посвященныхъ борьбѣ съ пьянствомъ; анатомическихъ рисунковъ, препаратовъ и моделей, демонстрирующихъ заболѣванія органовъ отъ водки и т. д. Все это должно дѣйствовать устрашающимъ образомъ, указывая на вредныя по

слѣдствія алкоголизма и пробуждая сознательную борьбу съ этимъ зломъ, *повышая само-дисциплину и укрѣпляя волю*. Надо пояснить наглядно всякими способами, что пьянство причиняетъ страшный вредъ не только самому пьющему водку, но и его дѣтямъ и внукамъ, ихъ здоровью и работоспособности; надо показать вліяніе пьянства на преступность и порочность. Борьба съ пьянствомъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ ниже уровень умственного развитія, чѣмъ слабѣе запросы и интересы интеллекта и чѣмъ сильнѣе побужденія низшаго порядка, приближающіяся къ первичнымъ инстинктамъ самосохраненія, защиты и нападенія. Иллюзія, вызываемая опьяненіемъ, а именно чувство благосостоянія (эйфорія) и повышеннаго самочувствія, общаго возбужденія, чувство силы и веселія—эта иллюзія дѣйствуетъ на окружающихъ какъ психическая зараза; потому то такъ и опасно пьяное веселіе въ толпѣ, на улицѣ, вообще „на людяхъ“, что оно легко вызываетъ подражаніе. Человѣкъ забываетъ заботы, лишенія, несчастья и все время пребываетъ въ состояніи шумнаго веселія и свободы, вмѣсто будничнаго трудового гнета; онъ становится откровеннымъ и болтливымъ (вслѣдствіе притупленія высшей регуляторной воли!), ищетъ общества, чтобы пріятно провести время безъ всякаго стѣсненія; чувство скуки, усталости и утомленія исчезаетъ, воображеніе и душевное настроеніе налаживаются наилучшимъ образомъ.—однимъ словомъ опьяненіе даетъ ту свободу, радость и веселіе, въ которыхъ ему отказываетъ будничная проза. Искусственное воодушевленіе даетъ опьянѣвшему иллюзію той силы воли, которая у него такъ слабѣетъ въ „борьбѣ за существованіе“ вслѣдствіе большой траты жизненной энергіи, а такъ часто и вслѣдствіе природной слабости воли и сознательной рѣшительности. Если къ этому добавить, что отсутствіе или крайняя слабость культурныхъ навыковъ и обычаевъ, грубость нравовъ окружающей невѣжественной среды, сила семейныхъ традицій представляютъ собою вредныя условія, влекушія къ порочности, то станетъ понятнымъ, что люди, и безъ того неотличающіеся силою воли и характера, такъ легко могутъ подпасть подъ власть обаятельнаго водочнаго возбужденія. Вѣдь у насъ пьютъ и съ горя, и съ радости, и безъ горя, и безъ радости.... И пьютъ сразу помногу, чтобы опьяняющее дѣйствіе было рѣзкое, сильное; умѣренность не признается, ибо не хватаетъ силы „само-укрощенія“; а развѣ не тотъ же безудержный размахъ встрѣчается такъ часто у насъ и въ гнѣвѣ, и въ радости, и въ злобѣ, и въ

болтливой довірливості?... І це зустрічається в більшій или в меншій мірѣ в різних шарах населенія; питейні звичаї почти вездѣ однакові. Психологічна основа—одна и тажє: слабость регуляторної, сдерживающей волі, слабость впливня розсудка и моральних принципів; формулы ихъ всѣмъ извѣстны, а дѣйствіє они оказывають слабое... Крестьяне говорили: „Мы до смерти работаемъ, до полусмерти пьемъ“.

Только просвѣщеніє и умственное развитіє могутъ повысить сдерживающую силу разума, его власть в поведеніи и во всѣхъ дѣлахъ чловѣка, если отъ природы эта сила сама по себѣ не велика; только просвѣщеніє своимъ воспитательнымъ впливіємъ можетъ повысить повелительную силу моральных принципів и безъ помощи всякихъ внѣшнихъ принудительныхъ внушеній; только интеллектъ, развитый этимъ путемъ, повысить самосознаніє и самопознаніє чловѣка и тѣмъ поможетъ ему освободиться отъ пагубнаго впливня страстей, инстинктів и порочныхъ наклонностей... Одно лишь воспитаніє характера безъ умственного совершенствованія едва ли принесетъ много пользы и едва ли на долго; болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы оно одно дало бы физическое и моральное оздоровленіє.

Какъ умственное и нравственное развитіє, такъ и интересы матеріальнаго благосостоянія настоятельно требуютъ для всего народа просвѣщенія, основаннаго на научной образованности. Въ этомъ сходятся интересы личные, государственные и общественные. Просвѣщеніє повышаетъ силы народа и умножаетъ его культурныя богатства. Массовое невѣжество есть народное бѣдствіє, которое пагубно отражается на всѣхъ сторонахъ жизни и отдѣльнаго лица, и общества, и всего государства. Разумное общественное воспитаніє и общедоступное начальное образование представляютъ собою тѣ мірскіє устои, которые обезпечивають матеріальное и умственное благосостояніє, соціальное и гражданственное развитіє. Представители земства справедливо говорятъ, что „при настоящемъ уровнѣ народнаго образования, заботы и мѣропріятія правительства и земства объ улучшеніи благосостоянія и благоустройства (низшихъ классовъ) населенія не принесутъ существенной пользы, встрѣчая препятствія къ ихъ осуществленію въ невѣжествѣ массъ“ (см. Отчетъ Харьк. Губ. Земской Управы 1898 г.). Образованностью народа измѣряють степень его культурности и цивилизації, а это служитъ мѣриломъ высоты его положенія в міровой жизни.—Огромное, жизненное значеніє грамотности сознавалось давно и

у насъ: издревле на Руси книжное чтеніе ставилось высоко и считалось душеспасительнымъ (*Погодинъ*); служеніе книжному дѣлу, преимущественно священнаго содержанія, считалось богоугоднымъ дѣломъ. Знаменитый крестьянинъ Посошковъ, современникъ Императора Петра Великаго, писалъ: „Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ.. Я чаю, не худо-бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ“. Мудрыя слова, и до сихъ поръ сохраняющія глубокой смыслъ и жизненную правду... Вотъ что читаемъ у одного изъ нашихъ современныхъ писателей: „и видѣлъ я мужика, какъ онъ во тьмѣ кромѣшной живетъ и убивается. Темнота его отъ бѣдности, а бѣдность отъ темноты. Такъ одна за другую и цѣпляются“... Но рядомъ съ этимъ крестьянскія общества сотнями, а теперь (1915 г.) и тысячами составляютъ приговоры объ открытіи школъ, бесплатныхъ читалень, объ улучшеніи учебнаго дѣла; они твердо уповаютъ что ихъ дѣти, внуки будутъ грамотными и, стало быть, уже не будутъ такъ страдать отъ невѣжества, какъ они сами. Это упованіе на лучшее будущее, эта глубокая вѣра въ силу образованія представляетъ высокое нравственное достоинство; оно встрѣчаетъ сочувственный откликъ у всякаго совѣстливаго человѣка, понимающаго великое горе народной безграмотности... Лучшія лица изъ среды земледѣльцевъ вполне сознаютъ, что одно изъ сильнѣйшихъ препятствій для улучшенія нашего сельско-хозяйственнаго и вообще народнаго труда заключается въ *косности безграмотнаго* крестьянина; у него нѣтъ довѣрія къ чужому опыту, о которомъ говорится въ книжкѣ, ибо сама то книжка для него есть какая-то невѣдомая сила, что то ему чуждое, мало понятное... Мало воспріимчивый умъ, неразвитый чтеніемъ и образованіемъ, довѣряетъ лишь непосредственному, личному впечатлѣнію или правиламъ отцовъ и дѣдовъ; все же, передаваемое ему чужими извнѣ изустно или особенно книжкою, является для него слишкомъ отвлеченнымъ, мало понятнымъ, не внушающимъ довѣрія.. Великій учитель, *Посталоцци* говорилъ своему народу, „простолюдинамъ“ Швейцаріи: „Мой народъ, ты бѣденъ, ты несчастенъ, ты невѣжественъ! Ты несчастенъ, потому что ты невѣжественъ“.... Народъ внялъ его словамъ увѣщанія, и просвѣщеніе, широко насажденное въ Швейцаріи, высоко подняло его общее благосостояніе.

Разумныя народныя развлечения, какъ уже мы говорили, оказываютъ большое разностороннее вліяніе; они, напр. театръ, даютъ поводъ и задуматься кой о чемъ, и отдохнуть душою, освѣжиться; минута здороваго веселія и благодушнаго настроенія вознаграждаютъ въ праздничный отдыхъ за тяжелый будничныи трудъ. Конечно, не всѣ стремятся къ развлеченію въ смыслѣ забавы, смѣха и веселія; не всѣ однако довольствуются и серьезнымъ поучительнымъ развлеченіемъ, нравоучительною книжкою или бесѣдою; приходится считаться съ разными нравами, обычаями, потребностями, смотря по возрасту, складу ума, настроенію, даже по національному характеру.... Но все же едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что громадное большинство трудящагося люда ищетъ, во время праздничнаго отдыха, именно удовольствія, занятнаго развлечения въ обычномъ смыслѣ слова. Вотъ тутъ то и является опасность со стороны разныхъ соблазновъ праздности и порочности. Поэтому, несомнѣнно, *устройство разумныхъ, здоровыхъ развлеченій является обязательнымъ отвѣтомъ на естественный спросъ со стороны трудящейся народной массы.* Они являются орудіемъ не только для борьбы съ пьянствомъ, но, какъ сказано, и для облагораживанія, смягченія нравовъ, для просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Отсюда и понятно, почему *этимъ развлеченіемъ*, напр. театральнымъ представленіямъ, обладающимъ большою живою силою образности, наглядности, жизненности, *справедливо придаютъ огромное общественно-воспитательное значеніе.*

Если мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, чтобы народныя развлечения по возможности служили также и для цѣлей поучительныхъ и образовательныхъ, то все же надо заботиться и о томъ, чтобы они при этомъ не утрачивали своей *привлекательности и интереса для народа.* Надо стараться, чтобы они нравились и доставляли удовольствіе и чтобы дѣйствовали на усталаго человѣка оживляюще и освѣжающе; тогда самъ народъ оцѣнитъ ихъ по достоинству, онъ найдетъ въ нихъ сознательное удовлетвореніе своимъ потребностямъ. Мы можемъ это подтвердить примѣромъ Невскаго Общества Народн. Развлеченій. Вотъ что мы читаемъ въ отчетѣ за десятилѣтіе его дѣятельности. „Рабочій людъ, проводившій цѣлые дни въ душномъ, прогорклomъ, спертomъ воздухѣ фабрикъ и заводовъ, ночи въ тѣсныхъ, грязныхъ квартирахъ, по праздникамъ высыпалъ на улицу, толкался по трактирамъ и кабакамъ, пропивая

свои трудовыя копейки. Молодежь собиралась на валу, въ полѣ, устраивала тамъ кулачный бой, игры въ орлянку и карты, очень часто кончающіяся ссорами и дракой. Мѣстной полиціи постоянно приходилось бороться съ этими безобразіями". Тогда кружокъ *М. С. Агафонова* и *В. П. Варгунина* въ 1885 году, въ селѣ Александровскомъ (около Петрограда) организовалъ народныя гулянія; они посѣщались тысячными толпами народа; кабаки и трактиры опустѣли почти на половину. Отсутствіе крѣпкихъ напитковъ въ буфетѣ дѣлало эти гулянія вполне благопристойными; ни скандаловъ, ни дракъ, ни ругани. Рабочіе приходили на гулянье съ женами и дѣтьми. Послушавъ музыку, посмотрѣвъ комедію, попивъ семейно чайку, они, довольные, уходили домой".—Затѣмъ это благое дѣло перенесли въ паркъ рядомъ съ Фарфоровымъ заводомъ; учредилось *Невское Общество Устройства Народныхъ Развлеченій*. Оно поставило себѣ цѣлю: „содѣйствовать доставленію мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ и дешевыхъ развлеченій, какъ-то: народныхъ гуляній, чтеній, концертовъ, спектаклей, танцевальныхъ вечеровъ". Эти развлеченія имѣли большой успѣхъ. Составитель отчета, *Евт. Карповъ* справедливо прибавляетъ, что „такъ какъ гулянья заканчивались послѣ закрытія трактировъ и кабаковъ, то смѣло можно сказать, что не одна семья избавилась отъ возвращенія своихъ сочленовъ въ нетрезвомъ видѣ, не одна трудовая копейка осталась въ карманѣ рабочаго про черный день". „За 10 лѣтъ, съ 1885 по 1895 г. въ учрежденіяхъ Общества перебивало взрослыхъ посѣтителей 767,944 и 84,402 дѣтей" (на одно гулянье приходилось въ среднемъ около 3000 человѣкъ, а въ послѣднее время лѣтомъ и до 5000). „Несмотря на такое громадное количество посѣтителей, въ продолженіи 10 лѣтъ ни разу не было никакихъ происшествій, требовавшихъ энергичнаго распоряженія полиціи". Заканчивая свой 10-ти лѣтній отчетъ, *„Невское Общество шлетъ свое сердечное спасибо рабочему народу, заявившему себя на народныхъ гуляніяхъ душевночуткимъ и отзывчивымъ на все доброе и свѣтлое"*! Къ этому кстати будетъ присоединить слѣдующее аналогичное указаніе одного изъ представителей прежней администраціи. Въ отзывѣ Херсонскаго Губернатора о результатахъ казенной продажи питей мы читаемъ, что „устройство такихъ развлеченій, какъ чайныя и народныя чтенія съ туманными картинами вызвало замѣтное уменьшеніе безпорядковъ и уличныхъ ссоръ и буйства; въ ряду другихъ

мѣръ и эти учрежденія вліяють въ самомъ благотворномъ смыслѣ на итоги хозяйственныхъ и нравственныхъ силъ населеній“¹⁾).

Борьба съ пьянствомъ ведется и государствомъ, и обществомъ „въ интересахъ *народнаго здравія и нравственности*“, Пьянство опредѣляется не *среднимъ количествомъ* выпиваемыхъ спиртныхъ напитковъ, но *способомъ* потребленія, его безпорядочностью; по времени равномерно распределенное, оно является сравнительно меньшимъ зломъ и для физическаго здоровья, и для общественной нравственности. Эта равномерность или проще—болѣе частое, но вполне умеренное потребленіе водки или—что лучше—вина или пива требуетъ не только постоянной наличности денежныхъ средствъ, но прежде всего извѣстнаго культурнаго развитія, сдерживающаго наши страсти и инстинкты; никакія казенно насаждавшіяся „здравыя понятія“ о пользѣ трезвости и умеренности и о вредѣ злоупотребленія водкою не могли прививаться прочно и устойчиво тамъ, гдѣ для этого не подготовлена почва путемъ *просвѣщенія*, смягченія нравовъ и вообще моральнаго подъема.

Интересно, что въ первой промышленной странѣ, Англіи, еще не такъ давно вопросъ о народныхъ развлеченіяхъ былъ въ такомъ же положеніи, какимъ онъ является у насъ отчасти и въ настоящее время. Авторъ статьи „Англійскіе рабочіе на досугѣ“ (Вѣстникъ Европы, 1898, сентябрь) пишетъ, что лѣтъ 30—40 назадъ тамъ, какъ и у насъ, раздавались горькія жалобы на грубость народныхъ забавъ, на отсутствіе сносныхъ развлеченій, на пьянство въ Воскресенье; но въ то же время общество пока рѣшительно ничего не дѣлало для доставленія какихъ

¹⁾ Я не считаю умѣстнымъ останавливаться здѣсь на вопросѣ о развитіи алкоголизма въ нашемъ отечествѣ, но во избѣжаніе недоразумѣнія и во имя справедливости нахожу необходимымъ напомнить, что по количеству выпиваемыхъ вообще *спиртныхъ напитковъ*, въ ряду Европейскихъ Государствъ Россія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, т. е. нашъ народъ въ *среднемъ* является наиболѣе трезвымъ. Это доказывается слѣдующими цифрами, выведенными за 10 лѣтъ (1881—1891 и 1883—1893) и показывающими ежегодное потребленіе всѣхъ видовъ спиртныхъ напитковъ, перечисленныхъ на 40⁰ спиртъ въ ведрахъ на 1 жителя: Франція—2³/₄ ведра, Данія—2¹/₂, Бельгія—2, Германія—почти 2 и т. д. и наконецъ, на 12 мѣстѣ Россія—²/₃ ведра. „И такъ не общее количество выпиваемаго спирта, но безпорядочность его потребленія въ отдѣльныхъ случаяхъ составляетъ гибельную особенность русскаго алкоголизма“, а также предпочтительное употребленіе водки, а не пива или дешеваго вина, содержащихъ сравнительно мало алкоголя.

либо развлеченій народу. Оно не только не считало этого своимъ долгомъ, но въ лицѣ вліятельнаго класса богатыхъ „лицемѣровъ и ханжей, всѣми силами мѣшало развитію народныхъ развлеченій. Многіе провозглашали смертнымъ грѣхомъ даже посѣщеніе театра; танцы осуждались какъ нѣчто безбожно, порочное“. Даже музыка для народа, особенно въ воскресный день, была еще недоступна.... Въ настоящее же время народныя развлеченія въ Англіи достигли высокаго разносторонняго развитія; ихъ огромное значеніе общепризнано.

Теперь возникаетъ основной вопросъ: въ чемъ-же должны заключаться *народныя развлеченія*? Какъ и по какой *программѣ* или по какому плану ихъ устраивать?

Жизнь уже дала отвѣты на эти вопросы, правда, въ видѣ лишь отрывочныхъ случайныхъ отвѣтовъ. Систематическое же устройство разумныхъ развлеченій наблюдается въ той или иной ограниченной области и сравнительно лишь въ немногихъ мѣстахъ. *Публичныя народныя чтенія, народный театръ, общедоступныя музыкальныя развлеченія, читальня, чайныя, литературныя чтенія, народные хоры*,—этимъ почти исчерпываются всѣ развлеченія и учрежденія, которыя пока дала намъ житейская практика въ этой области. Мы намѣренно обходимъ здѣсь молчаніемъ разнаго рода игры, танцы, гулянья, всяческія спортивные состязанія и тому подобныя увеселенія, такъ какъ они сами по себѣ не относятся къ тѣмъ развлеченіямъ, которымъ слѣдуетъ придавать важное просвѣтительное и общественно-воспитательное значеніе. Однако этимъ мы вовсе не хотимъ умалить достоинство и хорошія стороны физическихъ игръ, развлеченій и увеселеній, но съ разбираемой здѣсь точки зрѣнія мы отводимъ имъ лишь второе мѣсто.

Лохвицкій Комитетъ Попечительства о Народной Трезвости (въ 1898 г.) справедливо высказалъ, что самымъ лучшимъ средствомъ для искорененія зла, причиняемаго пьянствомъ, является поднятіе умственнаго и нравственнаго развитія населенія. Взамѣнъ кабака ему необходимо предоставить возможность болѣе разумнаго и полезнаго способа препровожденія свободнаго времени. Средствами для этого могутъ служить бесплатныя читальни, бібліотеки, народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, чайныя, устройство хорового пѣнія, музыкальныя и театральныя развлеченія и др. При осуществленіи программы нужно считаться съ міровоззрѣніемъ народа, съ мѣстными условіями, съ общимъ укладомъ жизни—однимъ словомъ, что-

бы благія начинанія были жизнеспособны.—Интересно, что въ указанномъ районѣ, при опросѣ почти каждое село просило объ организаціи у нихъ хороваго пѣнія. Лохвицкій Комитетъ особое вниманіе обращаетъ на организацію *ярмарочныхъ народныхъ развлеченій*, въ виду скопленія народной массы и связанныхъ съ этимъ соблазновъ разгула и невѣжественныхъ увеселеній. Значительность разстояній и плохіе пути сообщенія съ одной стороны, недостатокъ времени и средствъ съ другой никогда не дадутъ возможности городу при этихъ условіяхъ сдѣлаться центромъ, куда бы всѣ стремились отдохнуть и поучиться. Поэтому Комитетъ совершенно правильно считаетъ необходимымъ *децентрализовать* дѣятельность по устройству разумныхъ развлеченій, расширяться во всѣ уголки уѣзда.

Выше уже было высказано, что *народныя развлеченія*, разумно и систематически организованныя, несомнѣнно, являются однимъ изъ могучихъ культурныхъ орудій *просвѣщенія и воспитанія народной массы*. По силѣ вліянія на первомъ мѣстѣ можно поставить *театральныя представленія*, ибо здѣсь просвѣтительное и воспитательное воздѣйствіе связано съ сильными впечатлѣніями, и переживаніями. Наглядность, образность поучительной идеи, изображаемой въ живомъ дѣйствіи, въ понятныхъ событіяхъ, вызываетъ сочувствіе хорошему и невольное стремленіе къ подражанію. Благія мысли и побужденія запечатлѣваются и усваиваются путемъ театральныхъ представленій сильнѣе, чѣмъ помощью книжнаго чтенія; къ тому же первыя дѣйствуютъ сразу на огромную массу даже и неграмотныхъ, книжка же доступна лишь грамотному. Чѣмъ ярче и картиннѣе театральныя дѣйствія, живые образы, тѣмъ сильнѣе вліяніе на умъ и сердце, на чувство и воображеніе. Жизненная правда живо воспринимается зрителями и правильно оцѣнивается. Доброму вліянію представленій подчиняется и черствая, суровая натура, хотя не легко и не сразу. Театръ, при правильной постановкѣ народныхъ спектаклей, можетъ оказать серьезное воспитательное вліяніе, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше музыкальныхъ и литературныхъ развлеченій, не говоря уже о разныхъ другихъ. Влад. Немировичъ-Данченко справедливо говоритъ, что театръ, возбуждая сильныя чувствованія, вноситъ, незамѣтно для самыхъ зрителей, въ ихъ души извѣстные образы и идеи и можетъ имѣть огромное облагораживающее и высокопросвѣтительное значеніе... Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь писалъ: „Театръ—эта такая каѳедра, съ

которой можно сказать міру много добра".—Очевидно, при разумной постановкѣ дѣла театр—не простая забава; безусловно онъ долженъ быть причисленъ къ просвѣтительнымъ и воспитательнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Онъ доставляетъ удовольствіе, развлеченіе, волнуетъ и радуетъ душу, онъ служитъ цѣлямъ добра и правды, онъ сѣетъ ихъ живыя сѣмена... Вотъ почему мы замѣчаемъ серьезныя попытки къ устройству театра и въ деревнѣ. Постоянныя спектакли устраивались въ селѣ Петинѣ Воронежской губ., въ Рождественкѣ Петербургской губ., при нѣкоторыхъ фабрикахъ Московской, Владимірской губ., въ с. Позникахъ Полтавской губерніи и др. Случайныя же театральныя народныя представленія внѣ городовъ устраиваются во многихъ мѣстахъ, Въ настоящее время эти развлеченія постепенно распространяются и пріобрѣтаютъ симпатіи населенія. При нѣкоторыхъ Кооперативныхъ союзахъ Вологодской губ. имѣются даже особыя комиссіи для помощи по устройству народно-театральныхъ представленій.

Въ 1872 г. въ Москвѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, былъ открытъ Народный Театръ подѣ дирекціей А. Ф. Оедотова. Успѣхъ былъ полный; благотворное вліяніе на низшіе классы населенія сказалось съ очевидностью; одинъ изъ представителей промышленности (А. Г. Сапожниковъ) утверждалъ, что съ открытіемъ этого театра почти прекратилось пьянство среди его рабочихъ, которые вмѣсто трактира и кабака ходили въ театръ. Тоже подтверждалось отзывами фабрикантовъ.—Черезъ 10 лѣтъ, въ 1882 г. А. Н. Островскій, признавая воспитательное и просвѣтительное вліяніе театральныхъ представленій на народъ, подалъ проектъ устройства „Общедоступнаго театра“. Но это осталось только „благимъ намѣреніемъ“; очевидно, общество тогда еще не прониклось сознаніемъ полезности такихъ разумныхъ развлеченій для „простолюдинъ“.

Тамъ, гдѣ нѣтъ возможности организовать театральныя представленія для народа, гдѣ не находится подходящаго помѣщенія или нѣтъ устроителей или нѣтъ средствъ, тамъ народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ (свѣтовые картины) и кинематографомъ и съ послѣдующими собесѣдованіями пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе. Понятно, ихъ вліяніе, какъ образовательнаго средства, нисколько не уменьшается отъ наличности и театра; но для темнаго, безграмотнаго люда, гдѣ нибудь въ глуши, эти чтенія замѣняютъ и книгу, и школу, и театръ. Они пробуждаютъ интересъ и стре-

мленія къ знанію и къ литературѣ; они отчасти удовлетворяють этимъ стремленіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при надлежащемъ подборѣ чтеній, они оказываютъ и нравственно-воспитательное воздѣйствіе, давая хорошіе примѣры, возбуждая добрыя мысли и благія побужденія; они служатъ и для развитія художественнаго чувства своею правдивостью и яркостью изобразительныхъ красокъ. Житейская практика показываетъ, что чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и даже безъ него вездѣ и всюду возбуждаютъ живой интересъ и называютъ глубокое сочувствіе, особенно среди сельскаго населенія. Они усердно посѣщаются и безграмотными, и грамотными; для темной, невѣжественной массы эти чтенія являются піонеромъ просвѣщенія и благимъ орудіемъ культурнаго воспитанія; отзывы народныхъ учителей, земскихъ управъ и даже чиновъ администраціи удостовѣряють, что въ дни народныхъ чтеній рѣзко уменьшаются пьянство, разгулъ, уличныя скандалы.

Такія чтенія и собесѣдованія на современныя темы о переживаемыхъ событіяхъ, объ угрожающей эпидеміи, о появленіи кометы, о произошедшемъ землетрясеніи, о беспроводномъ телеграфѣ, о новыхъ законахъ и налогахъ и т. п., могутъ принести много добра въ смыслѣ борьбы съ темнотою сельчанъ, съ ихъ суевѣріями и предрасудками.

Наглядность и живость кинематографическихъ картинъ, сопровождаемыхъ объяснительнымъ чтеніемъ, вызываетъ у зрителей сильныя впечатлѣнія и переживанія. Нуженъ лишь разумный выборъ этихъ сеансовъ, тогда они пріобрѣтутъ огромное образовательное и воспитательное значеніе, напр. ради изученія родины (исторія, природа, народы, бытъ, промыслы и т. п.), ради борьбы съ алкоголизмомъ и др.

При наличности такихъ фактовъ невольно является вопросъ: почему же до сихъ поръ съ такимъ трудомъ прививаются народныя чтенія въ сельскихъ школахъ? Почему бы земствамъ не организовать этого дѣла такъ же *систематически*, какъ и школьное обученіе, поручивъ его своимъ учителямъ за особое вознагражденіе или инымъ лекторамъ? Вѣдь безграмотное населеніе внѣшкольнаго возраста составляетъ такую подавляющую массу... Всякія препоны и затрудненія, конечно, могутъ являться лишь какъ печальныя пережитки изъ прошедшихъ—недоброй памяти!—временъ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1913 г. во всей Харьковской губ. народныя чтенія происходили уже болѣе чѣмъ въ 500 аудиторіяхъ, всѣхъ слушателей было около 800000; въ 1914 г. въ одномъ Харьковскомъ уѣздѣ чтенія велись въ 126 аудиторіяхъ.

Что касается до просвѣтительнаго значенія *народныхъ читаленъ и библіотекъ*, то оно неоспоримо и обще-признано. Достаточно просмотрѣть отчеты ихъ, чтобы убѣдиться, что за сравнительно короткое время своего существованія они успѣли завоевать прочныя симпатіи среди населенія, которое сумѣло оцѣнить ихъ пользу¹⁾. Даже въ сельскихъ читальняхъ число подписчиковъ въ теченіе года мѣстами доходитъ до 500—600! А въ городѣ Харьковѣ, напр. въ 1-й Безплатной Читальнѣ Общ. Грам. за 1897 годъ считалось свыше 3000 подписчиковъ, бравшихъ книги для чтенія на дому, въ 1913 г. дошло до 3800; число же всѣхъ посѣщеній—почти 50000! Подобныя цифры краснорѣчиво доказываютъ, что въ „низшихъ“ слояхъ населенія уже давно назрѣла потребность въ книжномъ чтеніи. Необходимость удовлетворенія этой потребности путемъ правильной систематической организаціи планомѣрной сѣти читаленъ уже сознается обществомъ, земствами, городами. Въ этомъ отношеніи особенно выдается дѣятельность такихъ земствъ, какъ Харьковское, Тамбовское, Московское, Пермское, Вятское и др. — При этомъ будетъ кстати разсѣять одно недоразумѣніе по поводу Читаленъ. Иногда слышатся голоса, что въ виду подавляющей безграмотности въ деревнѣ, тамъ будто-бы нѣтъ потребности въ такихъ учрежденіяхъ. Это глубокое заблужденіе! Факты показываютъ, что сплошь и рядомъ неграмотные сходятся вмѣстѣ послушать чтеніе грамотнаго; составляются кружки, особенно въ осеннюю и зимнюю пору; нерѣдко просятъ повторить чтеніе понравившейся книжки; сходятся не только молодые, но и старики, особенно охотно слушающіе книжки „священнаго“ содержанія, напр. великимъ постомъ. Есть факты, доказывающіе что открытіе читаленъ, возбуждая интересъ въ книжкѣ, содѣйствовало улучшенію школьнаго дѣла, охотнѣе давались „міромъ“ ассигнованія на постройку училищнаго зданія и т. п.

Огромную важность для общаго образованія, для улучшенія народнаго труда, для развитія сельскаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ и ремеслъ представляетъ устройство соот-

¹⁾ См. напр. Отчеты городскихъ Харьковскихъ Бесплатныхъ Читаленъ Общества Грамотности, а для сельскихъ—Отчетъ Комитета по устройству Сельскихъ Библіотекъ (того же общества 1902 г.) и изданіе Харьковскаго Губерн. Земства „Состояніе сельскихъ библіотекъ—читаленъ къ 1908 г.“ (1909 г.).—На 1 Января 1914 г. въ Харьковской Губерніи было 852 земскихъ бесплатныхъ библіотекъ—читаленъ; всѣхъ же селеній въ Губерніи—4218.

вѣтственныхъ выставокъ и музеевъ (*постоянныхъ или передвижныхъ*) въ деревнѣ. При сравнительно малой первоначальной затратѣ и при разумной организаціи такія передвижныя выставки съ объяснительными чтеніями и бесѣдами могли-бы съ огромною пользою также помѣщаться въ Народныхъ Домахъ. Содѣйствуя распространенію общеобразовательныхъ свѣдѣній и профессиональныхъ знаній по родиновѣдѣнію, естествознанію, по земледѣлію, огородничеству, садоводству, травосѣянію, кустарнымъ промысламъ, домоводству и т. д. эти музеи своими коллекціями, моделями, образцами, приборами будутъ привлекать массу посѣтителей и, несомнѣнно, будутъ содѣйствовать *улучшенію народнаго труда и быта*. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи въ нашемъ отечествѣ сдѣлано еще слишкомъ мало.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить хорошо поставленное дѣло *районныхъ подвижныхъ музеевъ* въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ (около 30, въ 200 рублей каждый), въ Оханскомъ уѣздѣ и въ Нижегородской губерніи. Для завѣдыванія учреждены особые Музейные Совѣты.

Указывая на воспитательное значеніе разумныхъ развлеченій, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ болѣе общій— о значеніи *изящныхъ искусствъ* въ ряду народно-просвѣтительныхъ задачъ, о значеніи эстетики вообще для подъема общаго образованія, умственного развитія; не затрагиваемъ и вопроса объ отношеніи искусства къ знанію. Эта широкая тема требуетъ и болѣе широкаго обсужденія. Въ настоящемъ случаѣ, придерживаясь болѣе практической стороны разбираемаго здѣсь вопроса о Народныхъ Домахъ, мы можемъ ограничиться лишь общими указаніями на несомнѣнное *облагораживающее, воспитательное значеніе искусства*, на благотворное вліяніе вызываемаго имъ художественнаго наслажденія, чуждаго всякой практической, утилитарной стороны. Оно даетъ удовлетвореніе чисто душевной эстетической потребности, которая таится и въ народной средѣ, во всей ея массѣ, не говоря уже о лицахъ, одаренныхъ художественныхъ вкусомъ и талантомъ. Вліяніе искусства въ извѣстномъ смыслѣ даже сильнѣе, чѣмъ знанія, ибо первое дѣйствуетъ многосторонне на чувство и воображеніе, охватывая непосредственно всего человѣка, заставляя его самого и передумывать и многое переживать... Отсюда и громадное воспитательное значеніе искусства, особенно театра, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и воспитанія. Къ этому приба-

вимъ, что человѣкъ дорожитъ тѣмъ, что доставляетъ ему безкорыстное эстетическое удовольствіе, что даетъ ему хорошее настроеніе, освѣжаетъ ему голову; онъ научается цѣнить и беречь источники наслажденія. Красота, какъ и добро, способна смягчать и черствое сердце. Настала пора и у насъ, когда наслажденіе искусствомъ перестаетъ быть привилегіей только состоятельныхъ классовъ.

Сколько дарованій, талантовъ погибаетъ въ „сѣрой“, народной массѣ, затерявшихся, загубленныхъ лишеніями, грубою жизнью, невѣжественною средой! Духовныя богатства глоснуть, имъ нѣтъ выхода, ничто ихъ не пробуждаетъ... Удручающая скудость жизни и ея умственныхъ интересовъ въ народной массѣ можетъ только заглушить стремленіе талантливаго юноши, если они уже пробудились, или еще хуже—не позволить имъ даже обнаружиться... Развѣ можно учесть тѣ громадныя, неисчислимыя потери и убытки нашего обширнаго отечества для духовной и матеріальной его культуры, которые причинялись и теперь причиняются такою гибелью талантовъ и дарованій въ народной средѣ! Рѣдкія исключенія случайныхъ счастливицевъ доказываютъ только одно, а именно, что такія духовныя богатства, дѣйствительно, встрѣчаются въ народѣ и что, стало быть, нужно дать имъ свободный выходъ на свѣтъ Божій, а не препятствовать всякими терніями и препонами... Отсюда понятно, насколько необоснованы и несправедливы нерѣдко раздающіеся упреки въ томъ, что у насъ относительно такъ мало встрѣчается даровитыхъ людей. Какъ же и гдѣ же обнаружатся эти таланты, если выходы для нихъ дальше сельской школы такъ упорно и такъ долго стѣснялись! А много ли дарованій и теперь находятъ у насъ въ деревенской глуши пути и возможности для развитія и совершенствованія? Здѣсь то и заключается одна изъ причинъ нашей культурной отсталости сравнительно съ Западомъ, гдѣ такъ умѣютъ цѣнить таланты, развивать ихъ и беречь... Въ учрежденіяхъ Народнаго дома они могутъ пробудиться и обнаружиться. Нерѣдко приходится слышать, что у насъ во всемъ этомъ есть что то роковое: разъ у человѣка имѣются способности, дарованія по ремеслу, по технику, искусству онъ будто уже непременно подпадаетъ вліянію пьянства. Если бы даже это практически-наблюденіе и было вѣрно, то оно доказывало-бы только, что даровитыя сознательныя натуры, въ силу бесплод-

ности своихъ стремленій вырваться изъ „родного болота“, въ силу неудовлетворенности своихъ внутреннихъ порывовъ, часто заглушаютъ ихъ „одурманиваніемъ“ водкою... Впечатлительный, способный человѣкъ этимъ завѣдомо самъ губить себя; но развѣ въ этомъ можно усмотрѣть проявленіе врожденной порочности или „злой воли“? Психологическая причина такой загубленности, по всей вѣроятности, гораздо глубже. Да наконецъ, нельзя и согласиться съ приведеннымъ заключеніемъ въ такой обобщенной формѣ. Развѣ мы не знаемъ талантовъ, вышедшихъ изъ народа, изъ низшихъ классовъ населенія? Развѣ оскудѣли его духовныя силы? Только *свободное просвѣщеніе*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, безъ всякихъ препонъ и стѣсненій, только искренняя участливость народнаго учителя можетъ открыть и извлечь изъ темной народной массы тѣ дарованія и таланты, которые, быть можетъ, также составляютъ гордость и славу отечества... На обязанности школьныхъ попечительствъ и земства должны лежать заботы о дальнѣйшемъ образованіи даровитыхъ учениковъ въ общихъ или специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Народныхъ Домахъ эти таланты найдутъ для своего обнаруженія благопріятныя условія, какъ и въ школѣ.

Уже съ чисто практической точки зрѣнія, въ виду удобства устройства и завѣдыванія, а также въ виду общности *культурно-просвѣдительныхъ* задачъ, является желательнымъ соединеніе во-едино выше упомянутыхъ учрежденій въ *одномъ* домѣ. Это и есть „Народный Домъ“, или *Народный Дворецъ*. Такое учрежденіе, широко задуманное и богато устроенное, явилось впервые въ Лондонѣ, въ 1887 г. по идеѣ писателя Вальтера Безанта, который живо, образно выразилъ ее въ своемъ романѣ. По словамъ проф. Янжула, этотъ *Народный Домъ* „открылъ бдѣн-камъ двери въ земной рай знаній, искусства, довольства и чело-вѣческаго достоинства“. Въ немъ устраиваются лекціи, спектакли, концерты, спортивные состязанія, различныя игры; имѣются читальня, библіотека и др. Съ самого начала успѣхъ этого благого начинанія былъ обезпеченъ сочувствіемъ населенія и преданностью дѣлу со стороны дѣятелей преимущественно изъ числа молодыхъ ученыхъ, посвятившихъ много труда и времени дѣлу „расширенія Университетскаго образованія“. Напр. на одни вечерніе курсы въ Народномъ Домѣ собиралось свыше 5000, преимущественно взрослыхъ рабочихъ.—Въ томъ же на-

правленіи просвѣтительной дѣятельности шла работа въ Лондонѣ же въ другомъ аналогичномъ учрежденіи „Университетскомъ поселеніи“—Тойнби Холль (1884), но лишь въ болѣе скромномъ размѣрѣ, гдѣ образованная университетская молодежь сближается съ Лондонскимъ пролетаріатомъ и самоотверженно отдаетъ свои силы на его просвѣщеніе; тутъ же имѣютъ мѣсто и театральныя представленія, и концерты, клубы, спортивные упражненія и т. п.—Въ Германіи выдающееся значеніе получилъ Народный Домъ въ Гамбургѣ. — Во Франціи особенно извѣстенъ „Народный Дворецъ“ (Парижъ, Булонскій лѣсъ), гдѣ устраиваются лекціи, цѣлые курсы, театральныя представленія, празднества, дѣтскія игры и т. п.

Названіе „Народный Домъ“ дано у насъ, кажется, впервые Министерствомъ Народ. Просв., соорудившимъ примѣрное зданіе подъ такимъ названіемъ на Нижегородской Всероссійской Выставкѣ; тамъ помѣщались: аудиторія, театральная сцена, читальня съ библіотекою, чайная и др.—Народный Домъ долженъ служить *мѣстнымъ центромъ для внѣшкольнаго народнаго просвѣщенія* (въ деревнѣ).

Подобное совмѣщеніе *читальни, библіотеки, народной аудиторіи, чайной, театральной залы* въ одномъ домѣ выгодно и съ финансовой стороны, и съ хозяйственно-распорядительной. Да и для самого населенія удобнѣе имѣть въ деревнѣ или маленькомъ городѣ одно центральное культурное учрежденіе, гдѣ оно найдетъ много разнообразія, смотря по вкусамъ, потребностямъ, наклонностямъ. Здѣсь, въ «Народномъ Домѣ», всякія требованія на здоровыя развлеченія и на просвѣтительный досугъ найдутъ удовлетвореніе; здѣсь устанавливается тѣсное общеніе, сходятся, собираются знакомые и чужіе, образуется въ нѣкоторомъ родѣ *народный клубъ, центръ мѣстной общественной жизни*, какъ показала практика многихъ чайно-читаленъ. Само собою понятно, что при благожелательномъ присмотрѣ со стороны управленія „Народнаго Дома“, при разумномъ и гуманномъ его отношеніи къ посѣтителемъ, это учрежденіе, несомнѣнно, окажетъ благотворное воспитательное вліяніе на народную массу, особенно на дѣтей и подростковъ. Это могутъ подтвердить всѣ тѣ, которымъ приходилось сталкиваться съ народомъ и наблюдать его въ читальняхъ, чайныхъ, въ аудиторіяхъ, воскресныхъ школахъ. Можно смѣло утверждать, что это благотворное, облагораживающее вліяніе выкажется здѣсь не только въ формахъ и пріемахъ внѣшняго приличія, но съ

теченіемъ времени, подобно школѣ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать смягченію нравовъ народной массы. Необходимо лишь заботиться о томъ, чтобы Народный Домъ не сдѣлался трактирнымъ заведеніемъ для мѣстныхъ воротилъ и богатѣевъ.

Отдѣльныя лица, цѣлыя семейства, дѣти, школяры, артели—все будутъ сходиться въ «Народный Домъ» и, конечно, изъ чувства уваженія и признательности, не будутъ нарушать благопристойности, приличія и порядка. Наблюденія лицъ, работающихъ въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ, показываютъ съ несомнѣнностью благотворное вліяніе такихъ учреждений на дѣтей и подростковъ тамъ, гдѣ имѣется достаточный за ними надзоръ. Было бы желательно, чтобы Народный Домъ, отвлекая дѣтей отъ тлетворнаго, пагубнаго вліянія улицы, съумѣлъ бы привлечь къ себѣ ихъ симпатіи и тѣмъ содѣйствовалъ бы у нихъ развитію чувства благопристойности и уваженія къ человѣческой личности. Насаждая культурные навыки, такія учрежденія могутъ въ тоже время служить для дѣтей какъ бы „Яслями“, что такъ важно и въ селахъ, и въ городахъ. Вѣдь вопросъ о томъ, куда дѣвать праздный досугъ, имѣетъ большое значеніе одинаково и для взрослыхъ, и для малолѣтнихъ; но и въ будніе дни дѣти имѣютъ не мало досуга, когда они проводятъ время на улицѣ, безо всякаго надзора со стороны старшихъ. Было бы желательно, чтобы дѣтямъ была дана возможность въ Народномъ Домѣ заниматься играми, разумно организованными. Вѣдь не нужно забывать, что въ правильно поставленныхъ такихъ развлеченіяхъ дѣти привыкаютъ къ выдержкѣ, дисциплинѣ, укрѣпляютъ свою волю, упражняютъ смѣтливость, глазомѣръ, ловкость, находчивость и т. п. Въмѣстѣ съ тѣмъ они отвыкаютъ отъ дурныхъ, зачастую—порочныхъ наклонностей и привычекъ и, напротивъ, постепенно пріучаются къ культурнымъ формамъ и приѣмамъ житейскаго обихода.—Впрочемъ, надо всегда помнить, что великая сила подраженія въ человѣческой средѣ проявляетъ себя не только въ дурномъ, но и въ хорошемъ, и не только среди малолѣтнихъ, но также и среди взрослыхъ.—Все это имѣетъ полное примѣненіе къ жизни Народнаго Дома, который съумѣетъ привлечь къ себѣ дѣтвору и стариковъ, бѣдныхъ и богатыхъ, грамотныхъ и неграмотныхъ... Каждый здѣсь найдетъ, что ему «по душѣ»: одинъ пойдетъ въ читальню позаняться книжкой, другому захочется въ чайной почитать газеты за стаканомъ чаю или побесѣдовать съ приятелемъ, третій направится на публичное чтеніе; а если назначе-

но театральное представлєніе или концертъ, то туда уже потянетъ всѣхъ, „отъ мала до велика“. Если бы тутъ же нашлась выставка художественныхъ произведеній, напр. картинъ или предметовъ ремесленно-промышленнаго и сельско-хозяйственнаго производства или общеобразовательный музей, хотя бы и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, то несомнѣнно, онъ былъ бы постоянно посѣщаемъ любознательнымъ людомъ. Приглашенные специалисты могли бы тутъ же давать разъясненія по выставленнымъ предметамъ, и „пріятное сочеталось бы съ полезнымъ“.—Давая всѣмъ свободный доступъ, безъ всякихъ стѣсненій, дѣятели Народнаго Дома никоимъ образомъ не должны поддаваться соблазну „угождать вкусамъ публики“, напр. при выборѣ театральныхъ пьесъ или кинематографическихъ сеансовъ; общій режимъ его учрежденій долженъ строго соотвѣтствовать требованіямъ культурности и просвѣщенію.

Такимъ образомъ просвѣтительныя учрежденія Народнаго Дома, стремясь къ достиженію духовно-культурныхъ цѣлей—насажденію добрыхъ нравовъ и просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ слова,—въ то же время могли бы содѣйствовать распространенію полезныхъ знаній, практическихъ свѣдѣній, пригодныхъ для житейскаго обихода и для профессиональнаго труда. Такое приобрѣтеніе столь необходимыхъ знаній безъ стѣсненія и принужденія, по личному почину, во время досуга, всегда высоко цѣнилось и цѣнится народомъ; доказательствомъ служить успѣхъ воскресныхъ школъ и ихъ слава среди народа. *Непринужденность, свобода выбора развлеченій, общедоступность, поучительность и общепонятность*—таковы основныя условія, которыя дѣлають учрежденія Народнаго Дома *привлекательными и цѣнными* въ сознаніи самого народа. Театръ, музыка, литературныя чтенія, библіотека, научно-популярныя бесѣды, музей, выставка и т. п.—вѣдь все это блага культуры, которыми такъ недавно пользовались лишь „средніе“ и „вышіе классы“ населенія; но мотивы общественной справедливости требуютъ доступности этихъ благъ и радостей культуры и для всѣхъ слоевъ населенія безъ исключенія.

Польза „Народнаго Дома“ очевидна для всѣхъ; сохраняя привлекательность для „труждающихся и обремененныхъ“, его учрежденія служатъ для воспитательно-просвѣтительныхъ цѣлей и въ то же время доставляютъ удовольствіе и развлеченія. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что такое культурное учрежденіе и у насъ быстро и повсемѣстно завоюетъ симпатіи

всего населенія, будетъ оцѣнено народомъ по достоинству и съумѣетъ упрочить свое громадное общественное значеніе, если сохранить къ нему свою близость, какъ его собственное достояніе*). Всякій обыватель, селянинъ ли или горожанинъ, будетъ дорожить доступомъ въ „Народный Домъ“ и сразу пойметъ его высокое культурное значеніе въ отличіе отъ разныхъ балагановъ и грубыхъ увеселеній, уличныхъ и трактирныхъ, гдѣ его стараются всякими способами завлечь, грубо позабавить и побольше получить съ него денегъ.

Безплатность читальни, дешевизна чайной; общедоступныя цѣны народнаго театра, публичныхъ чтеній и т. д.—все это привлечетъ посѣтителя и бѣдняка, и не только благодаря этой доступности, но также и своимъ **разумнымъ** содержаніемъ. Каждый посѣтитель, какъ выше сказано, невольно, инстинктивно будетъ стараться не нарушать общихъ порядковъ приличія и благопристойности; хорошій тонъ всего дѣла, сразу и разумно установленный, несомнѣнно, упрочится самъ собою и окажетъ свое благотворное вліяніе на посѣтителей. Родители охотно пошлютъ туда своихъ дѣтей, не боясь какихъ либо дурныхъ примѣровъ и порочныхъ вліяній. Это подниметъ престижъ „Народнаго Дома“ въ глазахъ всего общества, всего населенія. Каждый труженикъ будетъ дорожить его учрежденіями, вслѣдствіе ихъ **доступности, привлекательности и поучительности**; онъ знаетъ, что въ часы отдыха, досуга онъ можетъ свободно, безъ всякихъ разрѣшеній и стѣсненій, пойти въ „Народный Домъ“ и тамъ отдохнуть душой и тѣломъ. Эта непринужденность и чувство свободы, возможность развлекаться при знакомой, не чуждой обстановкѣ, еще болѣе увеличиваютъ привлекательность его учреждений. Когда народъ съумѣетъ понять и оцѣнить Народный Домъ, онъ самъ будетъ имъ дорожить, а потому и самъ будетъ его беречь**). Такая оцѣнка скоро войдетъ въ сознаніе населенія.

Благой примѣръ всегда найдетъ подражаніе: за одними посѣтителями вскорѣ явятся другіе, спросъ будетъ быстро расти. Насущная потребность въ такихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ давно уже назрѣла и сознается всѣми и не только въ городахъ, но также и въ деревнѣ.

Насколько важно, чтобы дѣятели просвѣтительныхъ уч-

*) Настоящій докладъ былъ составленъ въ 1898 г.

**) Исторія Харьковскаго Народнаго Дома, открытаго Харьк. Обществомъ Грамотности въ 1903 г., вполне подтверждаетъ это мнѣніе.

реждений „Народныхъ Домовъ“ стояли на высотѣ своего призванія, это признается и тѣми, кто былъ поставленъ надзирать за дѣятельностью Комитетовъ Попечительства о Народной трезвости. Въ № 9 „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“ за 1898 годъ, помѣщены свѣдѣнія изъ отчета г. Арк. Шумахера Министру Финансовъ о дѣятельности названныхъ Попечительствъ въ 4 восточныхъ губерніяхъ. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что весьма большое значеніе для разумной постановки чайно-читаленъ, для превращенія ихъ въ „Народные Клубы“, будетъ имѣть порядокъ завѣдыванія ими. „Народъ такъ мало еще привыкъ къ саморазвитію, такъ еще дичится всего, что имѣетъ видъ чего то ученаго, что мало завести при чайной читальню... надо еще, чтобы кто нибудь сближалъ народъ“ съ этимъ просвѣтительнымъ прибавленіемъ къ чайной. „Эта сторона дѣла... пока еще мало обезпечена, и въ то время, какъ завѣдываніе чайными возлагается обыкновенно на людей совершенно неспособныхъ дѣйствовать образовательно на народъ, сами члены Попечительствъ“ о Народной Трезвости, „принимающіе на себя наблюденіе за чайными, за рѣдкими исключеніями, понимаютъ это наблюденіе въ смыслѣ лишь хозяйственнаго завѣдыванія чайными и общаго надзора за чистотою и порядкомъ въ нихъ“.—Съ другой стороны даже благожелательное „опекунское“ отношеніе, снисходительное и участливое, какъ „старшаго къ младшему“ также нежелательно, ибо можетъ у иного взрослого посѣтителя вызвать непріятное впечатлѣніе и тѣмъ мѣшать тѣсному сближенію, довѣрію и откровенности. Еще хуже было бы, если бы Народный Домъ былъ захваченъ какою либо партіей или организаціей, которая начала бы управлять имъ самовластно, по своему, исходя изъ узко-групповыхъ цѣлей и стремленій. При такомъ положеніи дѣла, изъ за обычной у насъ нетерпимости и эгоизма, легко можетъ случиться, что такое учрежденіе перестанетъ служить общекультурнымъ и просвѣтительнымъ цѣлямъ всего населенія, для всей его массы.

Одно изъ главныхъ условій успѣха „Народнаго Дома“,— какъ культурно-просвѣтительнаго учрежденія, это его *доступность* одинаковая для всѣхъ и не только въ смыслѣ бесплатности пользованія или дешевизны, но и по отсутствію сухаго, черстваго тона завѣдывающихъ въ обращеніи съ посѣтителями; успѣхъ обезпечивается *теплымъ, участливымъ отношеніемъ*, которое сразу вызываетъ довѣріе, уваженіе и устраняетъ всякія стѣсненія и недоразумѣнія. Народнымъ просвѣтительнымъ

учрежденіямъ, все равно какъ и школѣ, болѣе всего можетъ вредить холодный, начальственный тонъ, съ которымъ такъ иеко сочетается безучастное, недоброжелательное отношеніе, лзушающая формалистика. Съ этой стороны, ради успѣха благого дѣла, можно лишь пожелать, чтобы лица, поставленныя для завѣдыванія *просвѣтительными* учрежденіями „Народнаго Дома“, слѣдовали доброму примѣру тѣхъ, которые такъ успѣшно работаютъ въ нынѣ существующихъ бесплатныхъ читальняхъ и воскресныхъ школахъ и которые умѣютъ пріобрѣтать прочныя симпатіи и довѣріе со стороны посѣтителей. А это уже—залогъ успѣха! Кромѣ того такое доброжелательное, простое, участливое отношеніе къ нимъ, несомнѣнно, дѣйствуетъ облагораживающимъ образомъ на всѣхъ посѣтителей, возбуждаетъ добрыя чувства и подаетъ благой примѣръ, устраняя всякія опасенія и подозрѣнія. Въ извѣстномъ смыслѣ можно разсматривать это какъ *продолженіе школьнаго воспитанія* аналогично тому, какъ всѣ эти читальни и библіотеки составляютъ продолженіе *школьнаго образованія*.

Кромѣ образовательно-воспитательнаго значенія, можно привести прямое доказательство благотворнаго вліянія разумныхъ развлеченій и въ *экономическомъ* отношеніи. Проф. Чупровъ говоритъ, что это выражается положительно въ уменьшеніи прогульныхъ дней, къ прямой выгодѣ производства... „Одинъ фабрикантъ показывалъ лично ему записи прогульныхъ дней, изъ которыхъ видно, что число ихъ *уменьшалось* въ тѣ понедѣльники, которые слѣдовали за воскресеньями, когда были (народныя) чтенія“; число прогуловъ „возрастало, когда не было чтеній“. Очевидно, разумныя просвѣтительныя развлеченія увеличиваютъ трудовое пользованіе временемъ, а стало быть, и заработокъ. „Меньше пьяныхъ, меньше прогульныхъ дней“. Послѣ праздничнаго досуга, проведеннаго благопристойно и разумно, „рабочіе придутъ на работу трезвые, довольные, освѣженные и бодро примутся за работу“. На тоже самое указываютъ свидѣтельства самихъ рабочихъ, ихъ отзывы, напр. по поводу дѣятельности Невскаго Общества народныхъ развлеченій.

Таковы факты, таковы и заключенія компетентныхъ лицъ. Нужно быть намѣренно слѣпымъ или близорукимъ, чтобы не видѣть пользы разумныхъ развлеченій не только для рабочаго, ремесленника, но и для ихъ хозяевъ, и для борьбы съ пьянствомъ.

Говоря о громадномъ значеніи Народныхъ домовъ—при условіи широкаго осуществленія ихъ идеи—для просвѣщенія народа и для общественнаго его воспитанія, тѣмъ самымъ мы должны признать за ними немаловажное значеніе и для *гражданственно-политическаго его просвѣщенія*. Причина та, что послѣднее немислимо безъ общаго умственнаго развитія и безъ соціально-культурнаго воздѣйствія на нравы и обычаи. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ *Кондорсе*, одинъ изъ вождей великой французской революціи, предостерегалъ, что успѣхи техники могутъ превратить рабочаго въ отупѣлую механическую машину; по его мнѣнію, противъ такого унижительнаго неравенства, какъ источника вѣчныхъ и опаснѣйшихъ безпорядковъ, сильнымъ противовѣсомъ должно служить образованіе. „Народу даны политическія права; но свободный человѣкъ совершенно иначе нуждается въ широкомъ и свободномъ образованіи, чѣмъ рабъ, отдающій себя подъ руководство другихъ. Если не будетъ возможности просвѣтить массы (населенія), то и это кажущееся освобожденіе явится бесполезнымъ; равенство останется тогда обманчивымъ заблужденіемъ и на дѣлѣ будетъ господствовать очень реальное неравенство, такъ какъ сила будетъ въ рукахъ лучше обученныхъ, и невѣжественная масса станетъ игрушкой несдержанной агитаціи“ (изложеніе *Напора*). Къ сказанному прибавимъ, что образованіе и умственное развитіе разгоняютъ народную тьму, въ которой такъ пышно разцвѣтаютъ грубые нравы, низкія страсти и наклонности, дурные и хищническіе инстинкты, праздность, порочность.... Противъ этихъ вредныхъ и опасныхъ сторонъ успѣшно можетъ бороться только просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ слова; только оно можетъ дать культурные навыки и самодисциплину, ту силу убѣжденія и стойкость характера, безъ которыхъ невозможенъ истинный, не иллюзорный, прогрессъ ни въ какой сторонѣ народной жизни—ни въ образовательной, ни въ политической, ни въ экономической.... Высокое значеніе просвѣщенія было официально признано у насъ еще въ 18 вѣкѣ: такъ напр. при основаніи Московскаго Университета былъ изданъ Указъ (въ 1775 г.), гдѣ сказано: „Всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того, зло искореняется“. Въ докладѣ гр. *Шувалова* по тому же поводу говорится: „Наукамъ обязаны просвѣщенные народы тѣмъ, что они превознесены и прославлены надъ людьми, живущими во тьмѣ невѣдѣнія“... [Несмотря на такое признаніе и до сихъ поръ еще въ

Россіи процентъ безграмотныхъ доходитъ до 80!]. Великій нашъ поэтъ, А. С. Пушкинъ прямо высказалъ Николаю I (въ „Запискѣ о народномъ образованіи“, 1826 г.), что „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя общественныя бѣдствія“.—Только среди темнаго, невѣжественнаго населенія деспотизмъ можетъ заглушить правосознаніе и уваженіе къ праву и законности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознательное стремленіе къ свободѣ и справедливости; а вѣдь безъ этого не можетъ быть и сознательнаго гражданина, безъ этихъ устоевъ соціальной жизни не можетъ существовать и государство... Никакія личныя и соціальныя чувствованія, никакія страсти и возбужденныя инстинкты не могутъ, по своей природѣ, дать той критической оцѣнки и того предвидѣнія и проницательности, которыя истекаютъ только изъ просвѣщеннаго разума; а вѣдь безъ такого сознательнаго, вдумчиваго отношенія къ жизни, къ ея условіямъ и событіямъ, такъ трудно ориентироваться среди общественной суеты и сутолоки... Народъ давно уже и самъ все это понималъ; не даромъ крестьянинъ Посошковъ, примѣрно, лѣтъ двѣсти тому назадъ писалъ, что „паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ“... (см. выше).

До сихъ поръ мы говорили о „Народномъ Домѣ“, какъ о соединеніи учрежденій, имѣющихъ цѣлю и развлекать, и главное—просвѣщать, какъ объ объединенномъ культурно-просвѣтительномъ учрежденіи, содѣйствующемъ воспитанію дѣтей и взрослыхъ. Однако, самъ собою возникаетъ вопросъ: развѣ не выгоднѣе ли было для населенія имѣть эти учрежденія каждое отдѣльно, въ разныхъ частяхъ города? Въ одномъ участкѣ былъ-бы народный театръ, на другой окраинѣ—читальня, еще въ сторонѣ—чайная съ библіотекою, на другомъ концѣ—народная аудиторія для публичныхъ чтеній и т. п. Конечно, все дѣло сводится къ средствамъ; въ большомъ богатомъ городѣ найдутся деньги на устройство и 2, и 3 такихъ „Народныхъ Домовъ“; но тамъ, гдѣ средства позволяютъ мечтать лишь объ одномъ, тамъ вышепоставленный вопросъ имѣетъ свое основаніе. Въ *небольшомъ* городѣ, гдѣ со всѣхъ его концовъ населеніе, безъ особой потери времени и безъ затрудненія, можетъ попасть въ „Народный Домъ“, тамъ выгоды его несомнѣнны. Въ *большомъ же* городѣ, каковъ, напр. нашъ Харьковъ, необходимо, чтобы *всѣ* окраины имѣли свои читальни, чайныя и

народныя аудиторіи; но разъ это уже существуетъ, нельзя возражать противъ возведенія „Народнаго Дома“ съ **огромною зрительною залой для театра, чтеній, концертовъ** въ части города, наиболѣе подходящей какъ по составу населенія, такъ и по доступности для жителей другихъ окраинъ. Это и будетъ показательное, центральное учрежденіе, которое такъ необходимо въ качествѣ разсадника и сотрудника для другихъ таковыхъ же начинаній.

Другой вопросъ заключается въ слѣдующемъ: гдѣ всего нужнѣе устройство „Народныхъ Домовъ“, или „Народныхъ Клубовъ“? Чьи интересы выше въ этомъ отношеніи—*сельскаго населенія или городского*? Куда прежде всего надо направить средства, напр. Попечительства о Народной Трезвости, для этой цѣли—въ города или деревни? Намъ кажется, что и по численности жителей, и по другимъ причинамъ, напр. по большому досугу осенью, зимою, когда сельско-хозяйственныя работы занимаютъ уже очень мало времени или вовсе пріостановлены, *интересы сельскаго населенія* въ указанномъ отношеніи гораздо выше, чѣмъ городского; первое нуждается въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ и въ разумныхъ развлеченіяхъ въ *большей степени*, чѣмъ малосостоятельные классы населенія городовъ, которые въ нѣкоторой мѣрѣ пользуются въ этомъ направленіи близостью учреждений для болѣе состоятельныхъ классовъ. Напротивъ, сельское населеніе, вполнѣ обособленное, въ указанномъ отношеніи предоставленное самому себѣ, совершенно лишено всякой помощи. Отсюда понятно, почему всякое такое стремленіе придти на помощь сельскому населенію встрѣчаетъ всегда общее сочувствіе. Впрочемъ, встрѣчается мнѣніе и прямо противоположное—въ пользу городского населенія, а именно указываютъ на его большія культурныя потребности, на необходимость большаго обезпеченія его разумными развлеченіями въ виду большихъ соблазновъ праздности и порочности въ городахъ. Конечно, по существу дѣла, здѣсь нѣтъ выбора, одно не исключаетъ другого; кому же отдать преимущество, такъ сказать, первенство—городскому или сельскому населенію, это зависитъ отъ мѣстной исходной точки зрѣнія. Нужно сознаться прежде всего, что *весь народъ, всѣ* трудящіеся малосостоятельные слои населенія нуждаются въ учрежденіяхъ Народнаго Дома, а гдѣ они явятся сначала—это рѣшается чаще всего самою жизнью, а не теоретическимъ обсужденіемъ. Гдѣ скорѣе найдутся средства, а главное—починъ

и творческія живыя силы, тамъ скорѣе и появятся Народные Дома. Если городскія управленія обязаны заботиться о культурно-просвѣтительномъ преуспѣяніи горожанъ, то таковая же обязанность еще болѣе приличествуетъ земству по отношенію къ сельскому населенію, которое въ смыслѣ инициативы, предпримчивости, созидательной энергіи находится въ гораздо болѣе безпомощномъ положеніи, чѣмъ городское.

Организація дешевыхъ и здоровыхъ развлеченій для *сельскаго* населенія, устройство бесплатныхъ читаленъ, чайныхъ, чтеній съ волшебнымъ фонаремъ и т. п.—все это не требуетъ большихъ затратъ, не требуетъ и какихъ либо особыхъ специальныхъ знаній или умѣнья; все это достижимо безъ особыхъ трудностей, если только они не встрѣтятся со стороны формальнаго дѣлопроизводства по поводу разныхъ разрѣшеній, утвержденій, допущеній, какъ это было еще такъ недавно. Да много ли нужно, чтобы создать Народный Домъ въ деревнѣ? Въ одной комнатѣ поставьте шкафъ съ библіотекою, тутъ же стойки съ самоваромъ и чайными приборами; въ другой большой комнатѣ помѣстите столы и скамьи для читателей и посѣтителей чайной; здѣсь же по временамъ производите чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, значитъ, эта же комната—и аудитория; прибавьте, наконецъ, комнатку для сторожа—вотъ и готовъ дешевый „Народный Домъ“, онъ же—и „Сельскій Клубъ“ въ простѣйшемъ видѣ. Тутъ же хоръ изъ школьниковъ или церковный можетъ давать „концерты“; въ этой же аудиторіи специалисты могутъ вести бесѣды по вопросамъ сельскаго хозяйства, гигиены, медицины, кустарныхъ промысловъ и т. п. Поставьте шкафъ съ образцами сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ и лекарственныхъ растений, вредныхъ насѣкомыхъ, съ предметами ремесла и т. п., приложите картины, таблицы, глобусъ, географическія карты, прейсъ-куранты—вотъ и готовъ музей, хотя бы и въ эмбриональномъ видѣ...

Всѣ, которымъ приходилось работать въ культурно-просвѣтительныхъ общественныхъ или частныхъ учрежденіяхъ, знаютъ хорошо, что для успѣха такихъ начинаній нужны не столько матеріальныя средства, сколько живыя силы и жизнеспособный его зачатокъ, ростокъ, правильно поставленный съ самаго начала.

Житейская практика показываетъ, что просвѣтительныя учрежденія возникаютъ въ деревняхъ обыкновенно путемъ передачи животворной „Божьей искры“ изъ тѣхъ *городовъ*, гдѣ

уже раньше были основаны тѣ же школы, читальни, библіотеки народныя чтенія, театръ и т. п. И это совершенно понятно: въ городѣ скорѣ найдутся инициатива и силы, лица, воодушевленные идеею, преданныя благому дѣлу, которыя безъ всякихъ капиталовъ, „изъ ничего“ умѣютъ создавать и поддерживать воскресныя школы, чайно-читальни, народныя чтенія и т. п. Гдѣ же найти такихъ организаторовъ въ деревнѣ? Тамъ они являются чуть не въ видѣ исключеній. Правда, за послѣднее время число такихъ сельскихъ дѣятелей—иниціаторовъ значительно увеличилось, но все же наличность ихъ—дѣло случайности. Придавать же какой то казенный, бюрократическій характеръ дѣлу устройства и управленія „Народнаго Дома“ и его учреждений—значить не понимать этого дѣла, не знать его исторіи и заранѣе обречать его на печальное прозябаніе. Печальная исторія Попечительствъ о народной трезвости доказываетъ это въ достаточной мѣрѣ.

Лица, преданныя дѣлу народнаго просвѣщенія, являются пионерами въ деревнѣ, перенося туда *изъ города* свои силы и знанія, свою инициативу и умѣнье, пріобрѣтенныя въ городскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Городской Народный Домъ является какъ-бы „питомникомъ и разсадникомъ“ для подобныхъ сельскихъ учреждений. Вѣдь тотъ же долгій путь изъ города въ деревню проходила и народная школа; тотъ же путь уже проходятъ теперь и внѣшкольныя образовательныя учрежденія; тѣмъ же путемъ идетъ и дѣло устройства разумныхъ народныхъ развлеченій. Очевидно, это естественный путь развитія и распространенія всѣхъ подобныхъ культурныхъ учреждений. Городъ является для деревни не только умственнымъ идейнымъ центромъ, но и источникомъ интеллигентныхъ живыхъ силъ. Впрочемъ, въ послѣднее время обнаружилось быстрое развитіе общественной самодѣятельности въ деревнѣ въ лицѣ кооперативовъ разнаго рода (кредитныхъ, потребительныхъ, производственныхъ), которымъ суждена существенная, важная роль въ дѣлѣ насажденія культурно-просвѣтительныхъ учреждений. Деревня требуетъ единенія такихъ силъ, а не дробленія! *)

Въ виду сказаннаго становится понятнымъ, почему дѣло

*) Въ послѣднее время, напр. въ Харьковской губерніи, считалось свыше 200 сельскихъ кредитныхъ товариществъ и до 50 сельско-хозяйственныхъ обществъ.—Во всей Россіи къ 1916 г. считалось до 30000 кооперативовъ разнаго рода съ 10 милліонами членовъ; въ мѣстномъ народномъ хозяйствѣ—это огромная сила! Къ тому же она быстро растетъ.

устроения народных развлечений въ городѣ оказывается полезнымъ—косвенно—и для сельскаго населенія. Вѣдь въ настоящее время это дѣло только начинается, идутъ еще пробы, попытки; нужна практика, опытъ, которые-бы показали—что въ этомъ дѣлѣ задумано или устроено правильно, цѣлесообразно, что окажется прочнымъ, устойчивымъ, а что—излишне или прежде-временно; нужно еще изучить интересы, вкусы, потребности народной массы въ каждой мѣстности, а впередъ не все же можно предугадать вѣрно... Благое начинаніе, упроченное и хорошо налаженное въ городѣ, легко затѣмъ перенести и въ деревню; городской „Народный Домъ“ въ деревнѣ превратится въ „Сельскій Клубъ“, который замѣнитъ собою кабакъ съ его разгуломъ, пьянымъ веселіемъ. Мы не сомнѣваемся, что пройдетъ еще немного времени, и польза и огромное общественное значеніе „Народныхъ Домовъ“ настолько войдутъ въ сознаніе общества, что и земства, и города, и сами крестьянскія общества будутъ такъ же охотно давать на это денежные средства и помѣщенія, какъ это дѣлается теперь для школъ и бесплатныхъ читаленъ. Успѣхъ внѣшкольныхъ образовательныхъ учрежденій ручается за то, что благопріятное рѣшеніе широкаго вопроса о народныхъ разумныхъ развлеченіяхъ уже созрѣваетъ на нашихъ глазахъ.

Въ Россіи имѣется уже не мало Народныхъ Домовъ, но они устроены главнымъ образомъ въ городахъ. Изъ нихъ мы упомянемъ здѣсь лишь о нѣкоторыхъ: въ *Петроградѣ*—Лиговскій Народный Домъ, устроенный въ 1891 г. на средства графини Паниной; Народный Домъ Императора Николая II (Столичнаго Попечительства о Народной трезвости); такой же домъ Нобеля; въ *Харьковѣ*—Народный Домъ, принадлежащій Харьк. Обществу Грамотности, открытъ въ 1903 г.; въ *Кіевѣ*—Народный Домъ Кіевского Общества Грамотности; далѣе въ *Кременчугѣ*, *Псковѣ* и др. Осуществленіемъ идеи *сельскихъ Народныхъ Домовъ* занялись не только Земства (въ особенности Пермское, Уфимское, далѣе Костромское, Харьковское, Ставропольское, Вятское, Полтавское и др.), но также и сельскіе кооперативы разныхъ наименованій, которые въ программу своей дѣятельности настойчиво и широко вводятъ также и культурно-просвѣтительныя задачи. Относительно участія Губернскихъ Земствъ въ дѣлѣ устройства Народныхъ Домовъ весьма подробныя свѣдѣнія получило въ послѣднее время *Костромское* Губернское Земство путемъ анкеты, на которую были получены отвѣты

отъ 31 Губерн. Зем. Управы. Одни изъ Земствъ (Уфимское, Ставропольское и др.) полагають, что инициатива и планомѣрное устройство сельскихъ Народныхъ Домовъ должна лежать на обязанности земства; другіе же (Пермское, Вятское, Нижегородское, Полтавское) возлагають все это на мѣстное населеніе, на мѣстныя просвѣтительныя и экономическія организации, къ которымъ Земства приходятъ лишь на помощь, при условіи участія въ управленіи черезъ своихъ представителей и права пользованія помѣщеніемъ для устройства чтеній, краткосрочныхъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ и т. п. (Вятское Земство). (Съ этими вопросами мы встрѣтимся еще ниже).

Хотя изрѣдка, какъ исключеніе, но все же еще слышатся голоса, скептически относящіеся къ устройству „Народныхъ Домовъ“; они называютъ это даже „вредною затѣею“, чуть не помѣхою для народнаго труда, сомнѣваются въ цѣлесообразности способовъ, въ достижимости якобы „насильственной, искусственной“ цѣли. Только тотъ, кто не знаетъ народа, не знаетъ его характера и условій жизни, можетъ опасаться, что учрежденія Народнаго Дома могутъ понизить работоспособность его и отвлечь отъ „трудовой повинности“, что они „во-все не соотвѣтствуютъ его потребностямъ“! Едва ли есть надобность опровергать всѣ эти поспѣшныя сомнѣнія и обвиненія, на столько ихъ неосновательность очевидна. Гг. скептики и критики забываютъ, что вѣдь точно также они прежде относились къ народной школѣ, а затѣмъ—къ народнымъ читальнямъ и библіотекамъ; они забыли, что жизнь опровергла ихъ недоброжелательныя сомнѣнія. Всѣ эти нареканія и сомнѣнія не новы; все это—уже пережитое... Въ нихъ слышится иной разъ что то эгоистичное со стороны тѣхъ, которые сами такъ усердно, быть можетъ, пользуются театромъ, музыкой, газетою, литературою... Мы твердо увѣрены, что необходимость и полезность дѣла устройства „Народнаго Дома“ въ настоящее время вошли въ общее сознаніе.—Оно стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній и опасеній; оно—у всѣхъ на виду; его учрежденія доступны для всѣхъ, для самаго строгаго контроля, для самой придирчивой ревизіи; ихъ дѣятельность подчинена очень строгой регламентаціи, правиламъ, установленнымъ по соглашенію всѣхъ „заинтересованныхъ вѣдомствъ“ (1898 г.). Если и слышатся голоса, напр. о вредномъ вліяніи театра или кинематографа на народъ, то при этомъ, конечно, имѣють въ виду лишь дурной подборъ репертуара и отсутствіе разумной программы. Мы не видимъ

основанія, почему заранѣе набрасывается тѣнь сомнѣнія на дѣло, которое при *правильной постановкѣ* можетъ дать лишь благія послѣдствія.

Правда, грубые нравы и дурныя привычки смягчаются не сразу; разумно поставленныя учрежденія, воспитательныя и просвѣтительныя, дѣйствуютъ благотворно лишь въ ряду поколѣній, а не съ быстротою фокуса или насильственныхъ насажденій; но вѣдь было бы крайне неумно требовать, чтобы польза культурныхъ учреждений обнаруживалась со скоростью начальственного циркуляра!... Если всѣ жалуются на пагубныя послѣдствія пьянства, на дикій разгулъ и грубость нравовъ, то пусть же будутъ готовы, по мѣрѣ возможности, и содѣйствовать искорененію этого зла; грѣшно ограничиваться одними жалобами и обвиненіями; надо же что нибудь и дѣлать для благого дѣла, на общую пользу. Мы такъ привыкли обвинять съ легкимъ сердцемъ народную массу въ дикости и невѣжествѣ, возмущаться ея разгуломъ и грубымъ веселіемъ, и рядомъ съ этимъ такъ привыкли равнодушно, безучастно относиться къ заботамъ о просвѣщеніи народа, о его разумныхъ развлеченіяхъ. Зло—на глазахъ у всѣхъ; это—великое горе его темноты и безграмотности. Пора, давно пора сплотиться во имя просвѣщенія для борьбы съ пьянствомъ, а главное съ его вѣрнымъ союзникомъ и подстрекателемъ—съ удручающимъ невѣжествомъ...

II.

Предъидущій текстъ представляетъ собою дополненный докладъ Харьковскому Обществу Грамотности (25 Октября 1898 г.), имѣвшій цѣлью ознакомить членовъ Общества съ идеею Народныхъ Домовъ, такъ сказать, съ теоретической стороны. Этимъ путемъ мнѣ хотѣлось дать толчекъ для болѣе широкаго ея распространенія среди дѣятелей по народному просвѣщенію. Въ это же время Общество, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей (проф. Пав. Тих. Степановъ, Влад. Мих. Козловъ, Серг. Александр. Раевскій, Ел. Вас. Пономарева и др.), приступило къ практическому осуществленію такого благого начинанія—къ устройству Народнаго Дома въ г. Харьковѣ*), который былъ открытъ въ февралѣ 1903 г.

Въ 1899 году, тоже Общество постановило устроить анкету по этому вопросу въ тѣхъ городахъ и селѣхъ, гдѣ уже имѣются подобныя учрежденія и гдѣ устраиваются разумныя народныя развлеченія, и на основанія собраннаго матеріала составить „Руководство по устройству Народныхъ Домовъ“. Не смотря на довольно большой собранный анкетой матеріалъ, составленіе такого Пособника, къ сожалѣнію, не было приведено въ исполненіе.

Какъ въ школьномъ обученіи, такъ и въ дѣлѣ *внѣшкольного образованія* и вообще во всякомъ культурно-просвѣтительномъ, частный починъ всегда являлся смѣлымъ авангардомъ. Выясненіе таковыхъ потребностей, исканіе правильныхъ путей для ихъ удовлетворенія, первыя организациі на этомъ пути—таковы задачи, которыя возникали какъ слѣдствія неизбѣжной *прогрессивной эволюціи дѣла народнаго просвѣщенія*, послѣ осу-

*) См. брошюру: Десятилѣтіе Харьковскаго Народнаго Дома (Общества Грам.), 1903—1913 г.г.

ществленія и упроченія начальнаго школьнаго обученія земствами и городами. Широкая общественная и частная инициатива встрѣчала у насъ всегда много препятствій и затрудненій со стороны всяческихъ начальственныхъ запрещеній, допущеній, разрѣшеній, сношеній. Тѣмъ не менѣе такія организаціи, какъ Харьковское Общество Грамотности, настойчиво проводили свои замыслы и осуществляли благія начинанія, не взирая на тернистый путь и на недостатокъ денежныхъ средствъ. Сюда относится и дѣло устройства обширнаго Народнаго Дома этимъ Обществомъ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр. для народно-театральныхъ представленій, является какъ бы „опытною станціей“.

Когда дѣло какого либо внѣшкольно—образовательнаго учрежденія, напр. чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, читаленъ, библіотекъ и др., достаточно выработается въ частномъ починѣ и его идея упрочится въ общемъ сознаніи, тогда эта отрасль Народнаго просвѣщенія начинаетъ осуществляться въ видѣ уже *обязательныхъ* учрежденій въ городахъ, а затѣмъ и въ деревнѣ со стороны самоуправленій.

Тотъ же самый путь проходитъ и идея Народнаго Дома, какъ *культурно-просвѣтительнаго* центра по преимуществу. Уже скоро придетъ время, когда необходимость его будетъ такъ же ясна для общественнаго сознанія, какъ и устройство школы и читальни. Потребность въ немъ—естественная, а во все не вызывается искусственно по какимъ либо случайнымъ, стороннимъ побужденіямъ или по случайному почину.

На первомъ Общеземскомъ Съѣздѣ по народному образованію (Москва, 1911 г.) третья секція постановила слѣдующее: „Различные виды внѣшкольнаго образованія должны быть сгруппированы по районамъ; въ центрѣ района (одна или нѣсколько волостей) долженъ стоять, какъ основная мѣстная ячейка внѣшкольнаго образованія, *народный домъ*, включающій библіотеку—читальню, сцену и залъ для театра, кинематографа и чтеній и помѣщеніе для прочихъ видовъ внѣшкольнаго образованія“.

Дѣятели по кооперации, напр. на своемъ Съѣздѣ въ Кіевѣ (въ 1913 г.) также признаютъ необходимымъ устройство собственныхъ Народныхъ Домовъ, для развитія и объединенія своей культурно-просвѣтительной дѣятельности. [См. еще „Записную книжку для члена кооператива на 1915 г.“ изд. Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ и его же „Коопера-

тивный Настольный календарь“ того же года]. Въ томъ же смыслѣ высказалась и Харьковская Губернская Земская Управа въ 1914 г., признавая желательность объединенія учреждений по внѣшкольному образованію въ Народномъ Домѣ, который могъ бы дать пріютъ для собраній различныхъ сельскихъ общественныхъ организацій. Такимъ путемъ, между прочимъ, могло бы выработаться тѣсное общеніе земства, въ его просвѣтительной работѣ, съ мѣстными культурными дѣятелями, работающими въ разныхъ кооперативахъ, сельско-хозяйственныхъ обществахъ, санитарныхъ попечительствахъ и т. п.

Вышеупомянутый Московскій Съѣздъ по народному образованію вынесъ постановление: „внѣшкольное образованіе должно занять самостоятельное мѣсто въ ряду мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію культурнаго уровня населенія, и должно быть признано со стороны общества и государства во всякомъ случаѣ не менѣе цѣннымъ, чѣмъ образованіе школьное, и одинаково необходимымъ“.

Въ настоящее время, послѣ страшныхъ потрясеній и испытаній, выпавшихъ на долю нашего народа во время послѣдней войны и революціи, поднятіе культурно-просвѣтительнаго его уровня, а отсюда—и социальное-экономическаго, является болѣе необходимымъ, чѣмъ когда либо. Залечить же такія раненія въ психикѣ народа и въ его хозяйствѣ тѣмъ труднѣе, чѣмъ ниже стоитъ уровень его умственного развитія. [Кстати припомнимъ, что еще недавно въ Россіи % учащихся составлялъ около 4 на все населеніе, а въ Германіи—17%; расходы на народное образованіе приходились у насъ въ размѣрѣ полтинника на 1 жителя, а въ Германіи—4 рубля]. И если въ это же время удалось бы пробудить сознательныя стремленія къ подъему самопомощи и самодѣятельности, вообще къ организаціонной общественной работѣ, то этимъ была бы оказана громадная услуга въ дѣлѣ культурно-просвѣтительнаго и гражданственно-воспитательнаго развитія. Безъ этихъ же основъ нельзя требовать отъ народной массы ни критически-сознательнаго отношенія къ переживаемымъ событіямъ, ни предвидѣнія дальнѣйшихъ ихъ послѣдствій, ни пониманія національныхъ и государственныхъ задачъ, устанавливаемыхъ исторіей и всею жизнью народа; нельзя ожидать и столь необходимаго подъема производительности народнаго труда, если не будутъ расти культурныя силы страны.

Именно въ переживаемое нынѣ историческое время, когда

судьба послала нашему отечеству тяжелое испытаніе его силы и мощи, болѣе чѣмъ когда либо обнаружилась наша культурная отсталость, наши огромные недочеты въ народномъ просвѣщеніи, обнаружились такъ ясно и наша слабость въ организованности общественныхъ силъ и наши недостатки умственного и соціальнаго развитія. Само собою понятно, что нельзя же и требовать смѣлости инициативы, цѣлесообразной организованности, самоотверженнаго объединенія и сплоченія живыхъ общественныхъ силъ тамъ, гдѣ постоянныя стѣсненія не позволяли свободно развиваться соціальнымъ живымъ силамъ, якобы все еще недозрѣлымъ, несовершеннolѣтнимъ. У насъ такъ часто забывали, а можетъ быть, и не понимали, что могущество самого государства, при современныхъ условіяхъ, можетъ опираться только на культурномъ развитіи и единеніи народа, на ростѣ народнаго просвѣщенія и гражданственнаго сознанія.

Но съ другой стороны, то, что сдѣлало русское общество въ лицѣ союза земствъ и городовъ, частныхъ обществъ, кружковъ и т. п., для помощи государству во время войны за столь короткое время, лучше всего доказываетъ, какія громадныя организаторскія силы таятся въ этомъ обществѣ. При свободѣ почина, при устраненіи слишкомъ строгой, вѣчно подозрѣвающей и недовѣрчивой опеки, сразу обнаружились столь цѣнные таланты и способности къ разумной самодѣятельности, къ организованности, къ безкорыстному служенію отечеству изъ преданности общему благу; общественные дѣятели проявили такія знанія и умѣнія, такое серьезное, добросовѣстное отношеніе къ принятымъ на себя задачамъ, что, дѣйствительно, они сразу оказались вполне на высотѣ своего призванія, своего самоотверженнаго служенія великому дѣлу защиты отечества. Отсюда понятно, почему и государство, и общество должны всемѣрно заботиться о развитіи такихъ соціальныхъ силъ и богатствъ, заложенныхъ въ глубокихъ нѣдрахъ населенія, и устранять всякія преграды и препоны на пути культурнаго роста; почему нельзя пренебрегать никакими мѣропріятіями, которыя могутъ помочь въ достиженіи этой цѣли, столь важной для прогрессивнаго развитія и усовершенствованія производительныхъ силъ народа, для накопленія мощи и богатства государства, для духовнаго и матеріальнаго благосостоянія. Въ народѣ пробудились умственные запросы и жажда просвѣщенія болѣе, чѣмъ когда либо. Пониманіе, а отсюда и сознательное отноше-

ніе къ переживаемымъ событіямъ въ связи съ войною и революціей возможно лишь при наличности извѣстной степени образованности, нѣкотораго запаса знаній; а этого то и недостаєтъ подавляющей массѣ крестьянъ и мѣщанъ, получившихъ лишь начатки грамотности въ начальной школѣ и многое уже позабывшихъ. Они сами вполне сознають эти пробѣлы; нужно надѣяться, что потребность въ школьномъ и внѣшкольномъ образованіи обнаружится теперь въ усиленной степени. А потому и земства, и города, и иныя общественныя организаціи, просвѣтительныя и экономическія, должны быть въ готовности къ незамедлительному, неотложному удовлетворенію такового требованія и въ возможно полной мѣрѣ. Жизнь не ждетъ; кто отстаєтъ, тотъ страдаетъ; событія идутъ ускореннымъ темпомъ; у кого нѣтъ стремленія къ лучшему, тотъ этимъ самымъ готовится къ худшему; а безъ общаго умственного развитія, безъ образованія на научныхъ устояхъ никогда никакой народъ не достигалъ „лучшаго“ въ своей жизни и въ своемъ трудѣ....

Къ числу важнѣйшихъ задачъ настоящаго времени, вытекающихъ изъ условій современности, социальной, политической и экономической, относится планомѣрное устроєніе учреждений для *взрослаго* населенія по **внѣшкольному образованію**. Это дѣло настолько важно и сложно, что оно должно составить у насъ совершенно самостоятельную отрасль „народнаго просвѣщенія“ какъ у самоуправленій, такъ и въ центральномъ органѣ вѣдомства.

Къ числу таковыхъ мѣропріятій въ первую очередь относится устройство *Народныхъ Домовъ*, общее значеніе которыхъ, какъ культурно-просвѣтительнаго центра, было выяснено въ главѣ I.

Я считаю полезнымъ привести теперь здѣсь нѣсколько указаній, относящихся къ *практической* сторонѣ этого дѣла, именно къ устройству тѣхъ учреждений, которыя могутъ быть совмѣщены и объединены въ Народномъ Домѣ.

Прежде всего припомнимъ, что это совмѣщеніе отнюдь не простое механическое; общность просвѣтительной идеи и по возможности координированное, согласованное ихъ завѣдываніе должны придавать извѣстную гармоничную стройность и единство во всей многосторонней дѣятельности Народнаго Дома. Это относится какъ къ внѣшнимъ порядкамъ, такъ и къ внутреннему ея содержанію.

Далѣе, въ зависимости отъ размѣра денежныхъ средствъ

(ассигнованія, пожертвованія, разные сборы, займы) устраиваемый Нар. Домъ можетъ заключать въ себѣ мало или сразу много разныхъ учреждений. Въ первомъ случаѣ планъ архитектора долженъ быть составленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы по мѣрѣ дальнѣйшаго прилива средствъ эту постройку можно было цѣлесообразно, планомѣрно расширять.

Размѣръ расходовъ на устройство Народнаго Дома определяется слѣдующими потребностями: нужно нанять для него помѣщеніе или построить вновь домъ по спеціальному плану; далѣе требуется приобрести соотвѣтственный инвентарь для аудиторіи, читальни, чайной и др. (книги, мебель, волшебный фонарь, посуда, декорации, бутафорія); важное значеніе имѣетъ оборудованіе шкафами и витринами для книгъ и разныхъ коллекцій; необходимо оплатить трудъ завѣдывающаго лица, его помощника и сторожа.

Къ этому надо добавить расходы на выпускъ газетъ, книгъ, на переплетъ; на отопленіе и освѣщеніе; на поддержаніе чистоты и порядка; на ремонтъ помѣщенія; на страхованіе имущества.

По смѣтнымъ расчетамъ Ставропольской Губернской Земской Управы (на 1915 г.) стоимость годового содержанія Народнаго Дома, включая и плату за наемъ помѣщенія (320 до 450 р.), можно считать въ 1460 р. до 2200 р. Сюда входитъ и жалованье завѣдывающему, его помощнику и сторожу.

Само собою понятно, что стоимость заново устраиваемаго Народнаго Дома можетъ варіировать въ очень широкихъ предѣлахъ. Для постройки его въ *деревнѣ* можно принять два типа: 1) *малый* домъ, заключающій въ себѣ *залъ для народныхъ чтеній*, а въ свободное время и для *читальни*; въ немъ небольшая эстрада со сценой для *театральныхъ* любительскихъ представленій; въ отдѣльной комнатѣ *библіотека съ продолжею книгъ* и картинъ и со стеклянными шкафами и витринами для выставочныхъ предметовъ; третья комната для *чайной* съ газетами; четвертая для завѣдывающаго или для сторожа. При домѣ—кладовая, чердакъ, сарай для храненія мебели, декораций и т. п.—Постройка по матеріалу, плану, удобству должна служить показательною, особенно въ противопожарномъ отношеніи.

По цѣнамъ, бывшимъ до войны, такой домъ можно было бы построить за 6000—8000 рублей. Полтавское Земство, предположившее (кажется, въ 1915 г.) устроить въ губерніи 300 Народныхъ Домовъ простѣйшаго типа, признало стоимость cadaго не свыше 5000 р.

Можно рассчитывать смѣло, что такіе малые дома скоро окажутся непригодными и потребуютъ расширенія, новыхъ построекъ и передѣлокъ.

2) *Большой Нар. Домъ* (напр. районный) для *сельскаго* населенія, съ большимъ числомъ учреждений, который могъ бы вмѣщать въ себѣ также и постороннія Общества и Товарищества (см. ниже), долженъ имѣть *театральный залъ* на нѣсколько сотенъ зрителей, а для другихъ учреждений (*библиотека, читальня, чайная, музей, комната для „актеровъ“, „контора“ справочная и др.*) не менѣе 5—6 вмѣстительныхъ комнатъ, кромѣ квартиръ служащихъ, и *раздѣвальную*. Такой домъ прежде стоилъ бы отъ 20.000 р. до 25.000 руб. Усадьба должна быть достаточно велика на случай расширенія этого дѣла, напр. для выставки земледѣльческихъ орудій или для какихъ либо игръ и увеселеній, для постройки кладовыхъ, сараевъ, жилья для служащихъ или для потребительской лавки и т. п.

3) Наконецъ, крайне желательно имѣть *центральные Народные Дома въ городахъ*, откуда по мѣрѣ надобности приходила бы помощь для сельскихъ таковыхъ учреждений и подвижнымъ инвентаремъ (картины, книги, разные пособия, выставки, кинематографъ и т. п.), и живыми силами—спеціалистами, лекторами, организаторами, актерами, музыкантами и т. п.

Само собою понятно, что стоимость оборудованія и содержанія городского Народнаго Дома гораздо выше, чѣмъ даже *большаго сельскаго*. Такъ нѣсколько лѣтъ назадъ (до войны) по смѣтѣ для районнаго Народнаго Дома въ Москвѣ на *оборудованіе* была принята сумма въ 3000 р. (чайная, библиотека, другія помѣщенія, театральная сцена и т. под.).—Годовое же содержаніе было исчислено свыше 6000 р., включая сюда жалованье завѣдующему, замѣстителю, библиотекарю и прислугѣ (2), а также и наемъ помѣщенія съ отопленіемъ и освѣщеніемъ (3500 р.) *).

Съ общей точки зрѣнія можно лишь выразить увѣренность, что на дѣло *внѣшкольнаго образованія* жалѣть денегъ не будутъ. Вѣдь еще недавно (въ 1914 г.) на всѣ учрежденія этого

*) Объ участіи Земствъ въ устройствѣ Народныхъ Домовъ и объ ихъ денежныхъ ассигнованіяхъ см. въ брошюрѣ *Ф. Я. Дьякова „Народные Дома—очаги духовной и матеріальной культуры въ деревнѣ“*, Москва, 1915 г.—О постройкѣ Народныхъ Домовъ (планы и объ ихъ устройствѣ) см. книгу *„Народные Дома и Кооперация“*, изданіе Московскаго Союза потребительныхъ обществъ (Москва, Н. Переведеновка, соб. домъ).

образования 43 губернскихъ земства израсходовали около 2 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, тогда какъ земское *школьное* дѣло получило у нихъ смѣтное ассигнованіе въ большую сумму—именно около 90 милліоновъ. Очевидно, стремленіе ко всеобщему обученію и къ наилучшей постановкѣ *школьного* дѣла поглощало почти все вниманіе и почти всѣ „образовательныя“ ассигнованія въ земствахъ (постройка *школьныхъ* зданій, наемъ помѣщеній, оборудованіе, жалованье и т. д.); на долю же читальнъ, библіотекъ, народныхъ чтеній, курсовъ и др. выпадала обыкновенно лишь незначительная часть ассигнованій. Правда, до извѣстной степени это объясняется тѣмъ, что *внѣшкольное* образование до послѣдняго времени очень часто являлось какъ бы придаткомъ къ *школамъ*: въ ней обыкновенно происходили чтенія, повторительные курсы, выдавались книги на домъ школьникамъ и взрослымъ (*пришкольныя* библіотеки), кое гдѣ производилась продажа книгъ и картинъ и т. п. Прогрессъ *внѣшкольного* образования требуетъ обособленія его учрежденій, удаленія изъ школы, стало быть, требуетъ обезпеченнаго самостоятельнаго существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ дѣятелей со спеціальной подготовкой.

Перейдемъ теперь къ краткому разсмотрѣнію тѣхъ учреждений, которыя могутъ помѣщаться въ Народномъ Домѣ, причемъ по преимуществу мы будемъ имѣть въ виду потребности *сельскаго* населенія.

1. *Аудиторія для народныхъ чтеній со свѣтовыми картинами (волшебный фонарь, кинематографъ)*: для нея нужна большая комната; если въ Нар. Домѣ не имѣется особаго зрительнаго зала для театралныхъ представленій, то въ такомъ случаѣ въ этой аудиторіи слѣдуетъ устроить небольшую возвышенную эстраду для сцены. На послѣдней, между прочимъ, могутъ происходить чтенія въ лицахъ и даже въ костюмахъ нѣсколькими участниками.

Такая приспособленная, по возможности большая комната является самою необходимою частью Нар. Дома. Въ ней, кромѣ спектаклей, могутъ происходить разныя игры, танцы, вообще увеселенія, требующія большого помѣщенія; въ ней же въ свободное время посѣтителі могутъ читать книги, газеты, иллюстрированныя изданія; этимъ она временно превращается въ *читальню*. Здѣсь же въ опредѣленные дни и часы можетъ происходить громкое чтеніе, напр. свѣже полученныхъ газетъ, съ объясненіями непонятныхъ терминовъ, названій, оборотовъ рѣчи, ино-

странныхъ словъ; въ случаѣ надобности изъ библіотеки (въ сосѣдней комнатѣ) слѣдуетъ брать разныя справочныя изданія, словари, карты и т. п.

Въ этой же аудиторіи имѣютъ мѣсто разнаго рода чтенія, лекціи и курсы, о которыхъ сказано ниже, а также концерты, временныя выставки, засѣданія и т. п.

II. *Большой театральный залъ съ приспособленною сценой*, рассчитанный на нѣсколько сотенъ посѣтителей, можетъ быть устроенъ лишь въ большомъ Нар. Домѣ. Такъ какъ преимущественная въ немъ надобность является не въ теплое время года, то поэтому при его устройствѣ слѣдуетъ позаботиться, между прочимъ, и о хорошей вентиляции.

Такой залъ пригоденъ для всякихъ многочленныхъ собраний (засѣданія, развлечения, дѣтскіе праздники, концерты, танцевальные вечера и др.), не говоря уже о передвижныхъ выставкахъ, лекціяхъ, курсахъ... Театральныя представленія требуютъ еще особыхъ при немъ помѣщеній для переодѣванія актеровъ, для склада декораций, бутафорскихъ принадлежностей, мебели и т. п. *).

При выборѣ пьесъ, кромѣ классическихъ, слѣдуетъ ставить еще историческія, бытовые, мелодраму и даже комическія; надо идти постепенно отъ болѣе простыхъ къ сложнымъ, труднымъ, требующимъ отъ зрителя уже большей подготовки и пониманія; идея автора должна быть понятна, ясна, чтобы не было мѣста для ложнаго истолкованія. Критеріями для выбора пьесъ слѣдуетъ считать интересъ и содержательность пьесы, ея художественность и соотвѣтствіе требованіямъ морали.

III. *Бесплатная библіотека съ читальнею* представляетъ собою второе важнѣйшее учрежденіе въ Народномъ Домѣ. Выдача книгъ производится для чтенія на дому и на мѣстѣ. Для этого отводится особая комната, достаточно помѣстительная (*библіотека*) съ книжными шкафами и полками; на стѣнахъ—географическія карты, рисунки, портреты, картины, иллюстрированные плакаты (изданія *Гроссманъ-Кнебель*, *Сытина*, *Гранатъ*), плоскостныя раскрашенныя діаграммы (статистическія данныя по финансамъ, экономикѣ, географіи, сельскому хозяйству, просвѣщенію, промысламъ и т. п.).

*) Содѣйствіе устройству театральныхъ представленій въ деревняхъ и на фабрикахъ оказываетъ „Секція деревенскихъ театровъ“ при Московскомъ Обществѣ Народныхъ Университетовъ (1912 г.) и культурно-просвѣтительная комиссія при Московскомъ Союзѣ Потребительскихъ обществъ (1913 г.). — Изъ земствъ большое содѣйствіе оказываетъ Оханское.

На столахъ бібліотеки посѣтители должны всегда имѣть подъ руками разныя справочнаго характера изданія, календари, объяснительные словари, общедоступныя энциклопедіи, земскій календарь и другіе спеціальныя (сельскаго хозяина, садовода и др.), статистическіе справочники Зака, Гикманъ и Маркса и др. Весьма желательно имѣть въ бібліотекѣ альбомъ съ коллекціями художественныхъ „открытыхъ писемъ“ (снимки съ картинъ, скульптуры, виды природы и т. п.).

Читальнымъ заломъ можетъ служить аудиторія или театральный залъ, или даже особая большая комната, спеціально отведенная подъ читальню. Во всякомъ случаѣ въ бібліотечной комнатѣ, гдѣ производится выдача книгъ и гдѣ происходятъ бесѣды о читаемыхъ книгахъ, неудобно помѣщать и читальню, которая требуетъ тишины. Для желающихъ писать тамъ должны быть заготовлены и письменныя принадлежности; тоже—и для срисовыванія рисунковъ и картъ. На стѣнѣ слѣдуетъ повѣсить списки рекомендуемыхъ книгъ, составленные по разнымъ отдѣламъ знанія и литературы и для разныхъ возрастовъ.

Публика должна быть приучена къ порядку, тишинѣ и благопристойности. Для малолѣтнихъ требуется неусыпный надзоръ; къ нему можно привлечь болѣе взрослыхъ изъ числа посѣтителей, заслужившихъ довѣріе. Вообще говоря, крайне желательно привлекать ихъ къ помощи завѣдующимъ, т. е. къ участію въ просвѣтительно-воспитательной работѣ по всѣмъ учрежденіямъ Нар. Дома.

Кромѣ того кое гдѣ изъ мѣстныхъ жителей составляютъ *библіотечныя совѣты* (напр. въ Пермской губ.) или даже *библіотечныя Общества* (напр. въ Московскомъ уѣздѣ). Вообще говоря, крайне желательно привлекать лучшія общественныя силы изъ мѣстнаго населенія въ такія просвѣтительныя организациі какъ *попечительства* не только школьныя, но и для учрежденій по внѣшкольному образованію и по разумнымъ развлеченіямъ.

Громадное образовательное значеніе сельскихъ бесплатныхъ бібліотекъ—читаленъ давно уже признано Земствами. На 1912 г. число ихъ въ земскихъ губерніяхъ можно было считать до 10000 (*С. Строполко*); тогда какъ въ 1904 г. оно не доходило до 500 (*Б. Веселовскій*).

IV. Продажа книгъ, газетъ, картинъ, календарей, а также письменныхъ принадлежностей можетъ происходить въ помѣ-

щеніи бібліотеки и лишь въ большихъ * Народныхъ Домахъ для нея можетъ быть отведена отдѣльная комната. Какъ это учрежденіе, такъ и всѣ остальные должны имѣть отдѣльныя вывѣски съ обозначеніемъ времени ихъ открытія (дни и часы).

V. Чайная, смотря по мѣстнымъ условіямъ, можетъ быть соединена съ *дешевою столовой*, въ 1 или въ 2 комнатахъ. Въ ней для пользованія посѣтителей желательно имѣть газеты и иллюстрированныя изданія. Такъ какъ здѣсь громкій разговоръ, конечно, допускается, то это помѣщеніе слѣдуетъ совершенно отдѣлить отъ читальни.

Нечего и говорить, что потребленіе спиртныхъ напитковъ во всемъ Нар. Домѣ строго воспрещается; тоже относится и къ доступу въ него для лицъ „на веселѣ“.

Чайная имѣетъ немаловажное значеніе, какъ „сельскій клубъ“, куда люди сходятся для общенія, бесѣды, разогнать скуку, развлечься. Въ этомъ смыслѣ въ чайной посѣтители чувствуютъ себя болѣе непринужденно, безъ стѣсненій, чѣмъ въ помѣщеніи аудиторіи или читальни.

IV Музей *мѣстный, общеобразовательный, спеціальный* (сельско-хозяйственный, по кустарнымъ промысламъ, пчеловодный, по сельско-хозяйственной промышленности, технической, горный и др.).

Мѣстный Музей, составляемый изъ продуктовъ мѣстной природы (животныя, растенія, минералы, образцы почвъ, подземныхъ богатствъ, метеорологическія записи; далѣе памятники мѣстной исторіи и разныя вещи, характеризующія мѣстный бытъ населенія и нравы, обычаи, а также его занятія, промыслы, производства, этнографическій составъ, экономическія условія.

Для возможно большаго пополненія этого музея предметами мѣстной старины или случайными находками въ землѣ (при копаніи ямъ, колодезей, при размываніи овраговъ и т. п.), а также для собиранія предметовъ мѣстной природы, живой и мертвой, завѣдующій Музеемъ долженъ широко распространить различныя печатныя инструкціи и наставленія, съ обозначеніемъ условій приобрѣтенія таковыхъ вещей музеемъ.

Мѣстный Музей можетъ служить, между прочимъ, мѣстною *метеорологическою станціей*, въ которой могли бы производиться записи характерныхъ моментовъ мѣстной природы (прилетъ и отлетъ птицъ, вскрытіе рѣкъ, зацвѣтаніе кустовъ, цвѣтовъ и деревьевъ и т. д.).

Общеобразовательный Музей въ большомъ Народномъ Домѣ долженъ быть поставленъ возможно шире, полнѣе, такъ какъ по живости и наглядности онъ представляетъ собою одно изъ наиболѣе поучительныхъ учрежденій. Даваемая имъ научныя знанія и прикладныя свѣдѣнія тѣмъ тверже и яснѣе удерживаются въ умѣ посѣтителей, чѣмъ шире поставлено дѣло *демонстрацій съ объяснительными бесѣдами*, а гдѣ возможно—то и съ производствомъ физическихъ и химическихъ опытовъ.

Вообще говоря, такой музей является по программѣ школьнымъ, учебнымъ музеемъ наглядныхъ пособій, но лишь значительно расширеннымъ. Его вещи должны быть расположены по научнымъ и прикладнымъ „предметамъ“, куда входятъ: зоологія, ботаника, минералогія, геологія, физика, химія, астрономія, географія съ физическою географіей, исторія съ археологіей, медицина съ гигиеной, технологія, сельское хозяйство, исторія культуры (оружіе, утварь, орудія труда, жилище, украшенія и т. д.); далѣе борьба съ алкоголизмомъ, подача первой врачебной помощи, огнестойкія постройки, дезинфекція и борьба съ разными вредителями и т. п.

Въ составъ Музейнаго инвентаря входятъ различныя коллекціи, препараты, образцы, модели, приборы, инструменты, чучела, гербаріи, далѣе картины, чертежи, таблицы, карты, рисунки, образцы всѣхъ мѣръ, формы геометрическихъ тѣлъ, пособія для землемѣрія, небольшой акваріумъ и терраріумъ, посуда для наблюденія надъ превращеніемъ насѣкомыхъ, надъ проростаніемъ сѣмянъ.

Нѣкоторые изъ предметовъ являются весьма желательными даже для небольшихъ музеевъ, таковы: глобусъ, теллурий, планетарій, барометръ, небольшая электрическая машина съ лейденской банкой, телефонъ, стереоскопъ, небольшой микроскопъ съ готовыми препаратами, фотографическій аппаратъ съ принадлежностями, лупы (2—3), компасъ, картонная разборная модель по анатоміи человѣка и др.

Нѣкоторыя хорошо изданныя картины могутъ служить украшеніемъ не только Музея, но и другихъ учрежденій въ Народномъ домѣ; таковы, напр. „Картины (16) изъ русской жизни и природы“ (изд. Гросманъ и Кнебель); перерисованныя въ сильно увеличенномъ размѣрѣ (стѣнныхъ рисунковъ) 30 открытокъ профессора И. Озерова „Россія въ цифрахъ“ и др.

Далѣе сюда же относятся (см. выше о библіотекѣ) геогра-

фическія карты, иллюстрированные плакаты и рисунки (по естествознанію, сельскому хозяйству, технологіи, алкоголизму, промысламъ, медицинѣ) различныя таблицы и чертежи. Рядомъ съ рисунками образовательнаго содержанія, въ Музеѣ, равно какъ и въ другихъ помѣщеніяхъ Нар. Дома слѣдуетъ повѣсить картины художественнаго содержанія, снимки съ извѣстныхъ картинъ историческаго сюжета, бытового и др.

Въ Музеѣ долженъ находиться *каталогъ* для пользованія публики, составленный систематически по отраслямъ знанія и исполнѣ удобопонятно. Кромѣ того на выставленныхъ предметахъ слѣдуетъ наклеить или привѣсить карточки съ названіями и краткими объясненіями и съ соотвѣтственнымъ указаніемъ на каталогъ. *).

Что касается до *спеціального профессиональнаго Музея*, то устройство такого, по всей вѣроятности, будетъ зависѣть отъ наличности подобнаго *центрального Музея* въ губернскомъ городѣ или въ уѣздномъ, исходя отъ него уже, какъ изъ разсадника, будетъ легко устраивать и сельскія. Конечно, на первомъ планѣ должны стоять *Музеи сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности*, а также по *кустарнымъ производствамъ* и другимъ промысламъ, снабженные—между прочимъ—большими коллекціями картограммъ, раскрашенныхъ плакатовъ, таблицъ.

Само собою понятно, что выборъ и значеніе таковыхъ Музеевъ исполнѣ опредѣляются мѣстными условіями (земледѣліе, огородничество, рыболовство, лѣсной районъ, близость торговыхъ центровъ, горныхъ промысловъ; маслосѣліе, виноградарство, фабричное дѣло, заводскія производства и т. д.

Особо важное значеніе имѣетъ *Музей по Земледѣлію*, въ которомъ возможно полнѣе, яснѣе и нагляднѣе должны быть изображены успѣхи этого дѣла подъ вліяніемъ научнаго знанія, распространяемаго среди сельскаго населенія (примѣръ—Италія).

*) Считаю нелишнимъ указать здѣсь на нѣкоторые пособія для устройствъ Музеевъ: журналъ „Школьныя Экскурсіи и Школьный Музей“—Нормальный каталогъ Харьковскаго Отдѣленія Русск. Технич. Общества (составленъ *Н. В. Гогунцовымъ*)—Каталоги Музеевъ Волчанской Земской Управы и Новоузенской—„Образовательныя и воспитательныя задачи современныхъ Музеевъ“ изд. Журнала „Школа и Жизнь“, 1914 г.—Практическая Школьная Энциклопедія—Статья *Ширмана* въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1914 г., кн. 5—*Скалозубовъ* „Сельско-Хозяйственный Музей при Народной Школѣ“—„Народное образованіе въ земствахъ“, изд. „Задруга“, 1914 г.—*Казанцевъ* „Народныя чтенія и занятія со взрослыми“, Самара—и др.

Эта сторона Музея должна быть поставлена наиболѣе доказательно и убѣдительно; рядомъ съ показательными фермами и опытными полями онъ сѣумѣетъ, черезъ толстую броню косности, недовѣрія и невѣжества, внести въ сознаніе хлѣб-роба *довѣріе къ научному знанію*. Если этого достигнуть и не скоро, зато такой моральный успѣхъ будетъ имѣть несравненно большее значеніе для всей жизни, для всего народнаго хозяйства и просвѣщенія, чѣмъ передача цѣлой массы фактическихъ свѣдѣній.

Весьма желательно, чтобы въ составъ такихъ Музеевъ входили не только предметы по данной спеціальности, напр. образцы сѣмянъ, ихъ очистка и сортировка, формы растений, вліяніе почвы, погоды, вообще климата, вредители, модели машинъ, плакаты урожайности, значеніе удобренія, способа обработки почвы и т. д., но также по товаровѣднію въ соотвѣтственной области. Знаніе „товарныхъ“ образцовъ, ихъ порчи, примѣсей и подмѣсей, рыночныхъ цѣнъ, различныхъ адресовъ, свѣдѣній по коммерческой географіи и т. п.—все это можетъ представлять большой интересъ для жителя и большого торговаго села, а не только для горожанина.

VII. Для удовлетворенія подобной потребности при Нар. Домѣ, если позволить его помѣстительность, можно устроить специальное **Справочное Бюро**. Такое учрежденіе, совершенно не участвующее практически въ торгово-промышленной жизни, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ довѣріе посѣтителей, помогая имъ добывать необходимыя свѣдѣнія изъ справочныхъ изданій, изъ спеціальныхъ газетъ и журналовъ, каталоговъ, прейсъ-курантовъ, календарей, адресныхъ книгъ, альбомовъ.

При Справочномъ Бюро должны находиться, по соотвѣстственнымъ отраслямъ, коллекціи образцовъ, моделей, рисунковъ, таблицъ, картъ...

Въ немъ могутъ давать свѣдѣнія и о *переселеніи*; для этого должна быть составлена спеціальная бібліотека.

Кромѣ справочнаго, въ Нар. Домѣ можетъ быть устроено и **Посредническое Бюро** по найму, сбыту, покупкѣ и т. п.; къ его вѣдѣнію могутъ быть отнесены вопросы, касающіеся разныхъ сторонъ экономической жизни населенія, начиная съ домоводства и кончая предложеніемъ труда.

Юридическая консультація, въ которой занятія должны происходить въ заранѣе опредѣленные дни и часы, въ зависимости

отъ соглашенія съ приглашенными для этого дѣла юристами или вообще свѣдущими лицами.

VIII. Выставки, временныя, передвижныя по различнымъ отраслямъ *искусства и знанія*, научнаго и прикладнаго: художественныя, художественно-промышленныя, сельско-хозяйственныя, техническія, по медицинѣ и гигиенѣ (алкоголизмъ, сифилисъ, туберкулезъ, оспа, дифтерія, холера; болѣзни маленькихъ дѣтей, первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и т. д.), по огнестойкому строителству, по молочному хозяйству, мукомольному дѣлу, по домовѣдѣнію, скотоводству*) и т. п.

Большое значеніе художественныхъ выставокъ для сельского населенія можно считать общепризнаннымъ. Въ ихъ составъ входятъ картины, фотографіи, автотипіи, олеографіи, слѣпки, образцы (по прикладному искусству) и др.

Все это требуетъ объяснительныхъ чтеній и бесѣдъ съ посѣтителями; безъ таковыхъ устныхъ поясненій одно лишь созерцаніе и прочтеніе этикетокъ никогда не произведетъ достаточнаго впечатлѣнія и не дастъ знанія, надолго остающагося въ умѣ.

Огромную пользу передвижныя медико-гигиеническія выставки оказали въ Московской губерніи, гдѣ Земство впервые устроило ихъ въ Коломенскомъ уѣздѣ въ 1911 г. Достаточно вспомнить ужасы холерныхъ бунтовъ, чтобы признать необходимость таковыхъ выставокъ съ устными объясненіями, ради борьбы съ суевѣріемъ, предразсудками и массовымъ невѣжествомъ. При этомъ надо помнить, что заслужить довѣріе слушателей чтеній и посѣтителей выставки можетъ лишь знающее, достаточно авторитетное лицо; фельдшеру или сестрѣ милосердія они не повѣрятъ, а къ врачу отнесутся съ довѣріемъ, въ особенности если онъ будетъ стараться ихъ убѣждать, приводить наглядныя убѣдительныя доказательства въ видѣ фактовъ, препаратовъ, статистическихъ данныхъ и не будетъ требовать слѣпago послушанія и довѣрія къ голымъ врачебнымъ и гигиеническимъ требованіямъ и афоризмамъ.—То же относится и къ выставкамъ и чтеніямъ по ветеринаріи и скотоводству.

IX. Общедоступныя курсы, лекціи, чтенія и бесѣды по разнымъ отраслямъ научнаго и прикладнаго знанія, искусства, литературы; ремесленныя, сельско-хозяйственныя, торгово-промышленныя, счетоводныя, по вопросамъ страхованія, кооперации, по

*) Для этой цѣли, а также для выставки земледѣльческихъ орудій и др. требуется достаточно большая площадь усадьбы Нар. Дома.

земскому дѣлу, строительному; воскресныя, руководѣльныя и др. школы, народно университетскіе курсы и т. д.

Таковыя чтенія для большого числа слушателей могутъ происходить въ зрительномъ театральномъ залѣ, а гдѣ его нѣтъ, то въ аудиторіи. Они могутъ представлять или цѣлыя курсы, состоящіе изъ многихъ лекцій и практическихъ занятій въ теченіе 2—4 недѣль и болѣе (напр. по земледѣлію, молочному дѣлу, дополнительные общеобразовательные курсы); или же *отдѣльныя лекціи*, эпизодическія чтенія, напр. по поводу какого либо выдающагося историческаго событія или солнечнаго затмѣнія, или вспыхнувшей эпидеміи и т. п.

Громадное образовательное значеніе чтеній по *сельскому хозяйству* нашло себѣ оцѣнку уже въ томъ фактѣ, что въ 1913 году они происходили почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, именно въ 11760 пунктахъ при числѣ слушателей—1.580.000; сел.-хоз. курсы въ томъ же году имѣли мѣсто въ 1657 пунктахъ, при чемъ число слушателей—98.700, въ числѣ которыхъ находились 11% неграмотныхъ; обычная продолжительность курсовъ была отъ 1 недѣли до 1 мѣсяца (*В. Э. Брунста*). Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно о неотлѣжной необходимости возможно шире и плотнѣе поставить дѣло внѣшкольнаго сельско-хозяйственнаго образованія; то, что сдѣлано, можетъ имѣть значеніе только начала, сравнительно съ размѣрами потребности.

Само собою понятно, что общедоступныя чтенія принесутъ тѣмъ больше пользы, чѣмъ болѣе планомѣрно и систематично они производятся. Не всегда и не вездѣ это легко сдѣлать, но примѣръ нѣкоторыхъ земствъ поощряетъ къ этому.

Таковы были чтенія по природовѣдѣнію въ Макарьевскомъ уѣздѣ (въ 1912 г.), гдѣ присланный земствомъ лекторъ съ успѣхомъ читалъ въ каждомъ пунктѣ краткіе курсы въ теченіе 1—1½ недѣли. Въ Олонецкой губ. въ 282 земскихъ школахъ было произведено 2102 чтенія (въ 1912—1913 уч. г.); въ этомъ же учебномъ году Осинское земство (Пермской губ.) устроило въ 191 школахъ 772 чтенія (см. выше).

Вездѣ замѣтно стремленіе устранить элементъ случайности въ назначеніи чтеній и въ выборѣ ихъ содержанія; по крайней мѣрѣ вопросъ объ ихъ систематизаціи поставленъ на очередь.

Въ томъ же Народномъ Домѣ могутъ происходить *вторительные курсы*, напр. по вечерамъ или по праздникамъ,

для поддержанія грамотности и знаній, вынесенныхъ изъ начальной школы.

Большое значеніе имѣютъ *дополнительные курсы*, цѣль которыхъ—дать образованіе свѣше программы начального училища.

Въ этомъ направленіи интересны попытки Харьковскаго Губернскаго Земства, которое съ участіемъ Харьк. Общества Грамотности выработало серьезную программу для таковыхъ курсовъ.

Нужно надѣяться, что со временемъ изъ этихъ курсовъ у насъ созрѣютъ настоящія *Высшія Народныя Школы* съ широкою программой для взрослыхъ, въ родѣ Скандинавскихъ таковыхъ школъ. Такъ какъ здѣсь имѣются въ виду молодые люди, обыкновенно начиная отъ 18-лѣтняго возраста, то подобнымъ учрежденіямъ, даже и безъ обязательнаго интерната, слѣдуетъ приписать большое значеніе не только образовательное, но также и воспитательное.

Въ большомъ Народномъ Домѣ найдется, гдѣ приютить и высшіе курсы, для которыхъ пригодятся его коллекціи, бібліотеки, проекціонный фонарь, наглядныя пособія...

Х. Концерты, дѣтскія игры, школьные праздники, танцевальныя вечера и иныя разумныя развлеченія. Весьма желательно, чтобы при Нар. Домѣ учредился собственный оркестръ изъ лицъ, играющихъ на балалайкѣ, гармоніи и домрѣ (справки можно получить въ Обществѣ „Просвѣтителъный Досугъ“, Харьковъ, Кузнечная ул., д. 2).—Такой оркестръ могъ бы играть на „вечерахъ“, праздникахъ, во время спектакля, а также давать и свои концерты, напр. съ участіемъ хора и отдѣльныхъ пѣвцовъ.

ХІ. Въ Народномъ Домѣ могутъ помѣщаться и разнаго рода кружки и организациі: *санитарное попечительство, кооперативы* (кредитныя, ссудо-сберегательныя, потребительскія, производственныя), *сельско-хозяйственное Общество*; *кружки хоровыя, музыкальныя, литературныя, спортивныя, самообразованія*; далѣе *Общества трезвости, благотворительныя, взаимопомощи*; *кружки любителей природы и охраны ея, садоводства, пчеловодства, маслосольнаго, рукодѣльнаго, ручного труда, домоводства, родиновѣдѣнія и др.*

Нѣкоторыя изъ этихъ организацій могутъ имѣть въ Нар. Домѣ только свои собранія; для другихъ понадобятся уже свои шкафы; третьимъ нельзя обойтись безъ собственныхъ комнатъ.

Во всякомъ случаѣ, если дѣятели Нар. Дома желаютъ придать ему широкое общественное значеніе, то при его построй-

къ они должны заранѣ учесть таковыя потребности въ помѣщеніяхъ и принять соотвѣтственныя мѣры.

ХІІ. Существующіе уже Народные Дома указываютъ на возможность помѣщенія въ нихъ и такихъ учреждений, какъ *потребительская лавка*, разнаго рода *конторы и склады*.

Большое число экономическихъ учреждений имѣетъ мѣсто, повидимому, только тамъ, гдѣ учредителями являются кооперативныя организаціи.

Что касается до вопроса о *платности* или *бесплатности* доступа въ учреждения Народнаго Дома, то рѣшеніе его зависитъ вполнѣ отъ мѣстныхъ условий и отъ усмотрѣнія его владѣльца (земства, сельскаго общества, кооператива и др.). Прежде всего оно обусловливается состояніемъ бюджета, размѣромъ разныхъ ассигнованій и пожертвованій. Въ томъ случаѣ, если для входа, напр. въ чайную, аудиторію, въ театръ, на лекціи и курсы, была бы установлена плата, то размѣръ ея долженъ быть по возможности пониженъ. Нужно строго помнить, что учреждения Народнаго Дома не должны быть доходными въ смыслѣ извлеченія чистыхъ прибылей и накопленія денегъ въ его кассѣ въ пользу собственника. Бесплатность или минимальная плата, конечно, наиболѣе желательны, по крайней мѣрѣ, теперь, пока еще у населенія не созрѣло убѣжденіе въ обязательной необходимости денежныхъ затратъ и на иныя культурныя потребности, кромѣ школы и учебниковъ.

Изъ сказаннаго также вытекаетъ, что управленіе Народнаго Дома должно широко открыть его двери, чтобы по возможности бесплатно (за помѣщеніе!) дать пріютъ для разныхъ мѣстныхъ *Кружковъ* (см. выше).

Наконецъ, при Народныхъ Домахъ могли бы быть устроены простѣйшаго типа *метеорологическія станціи*, которыя могутъ имѣть такое большое значеніе для сельско-хозяйственныхъ работъ мѣстнаго населенія, въ особенности при организаціи обмѣна записей погоды (метеорологическихъ бюллетеней) съ другими станціями сосѣднихъ уѣздовъ и далѣе.

Какъ бы не возникали сельскіе Народные Дома и кѣмъ бы они не устраивались, все же было бы крайне желательно и даже необходимо, чтобы Земства имѣли также и свои собственныя *показательныя* таковыя учрежденія, которыя могли бы служить образцами по своему устройству, оборудованію и по своей дѣятельности для возникающихъ по иному частному почину. Принадлежность ихъ Земству придаетъ большую устой-

чивость и независимость отъ разныхъ мѣстныхъ случайностей, въ родѣ переменныхъ вліяній тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, политическихъ партій, личныхъ вмѣшательствъ, или недостатка денежныхъ средствъ и т. п. Можно надѣяться, что всесословное Земство съумѣетъ болѣе обезпечить планомѣрность сѣти и успѣшность дѣятельности Народныхъ Домовъ, ихъ культурно-воспитательное и образовательное значеніе для *всего* мѣстнаго населенія, а не для какихъ либо группъ, партій, классовъ или отдѣльной мѣстности въ ущербъ другимъ.

Было бы весьма печально, если бы они попали въ руки какой нибудь группы и тѣмъ самымъ были бы отданы въ жертву узко-партійнымъ интересамъ съ обычною нетерпимостью, замкнутостью и пренебреженіемъ къ запросамъ и интересамъ остального населенія. Въ Народномъ Домѣ не должно быть мѣста для политическихъ страстей, ибо онѣ слѣпы и прожорливы, онѣ не пощадаютъ ничего—ни просвѣщенія, ни культуры, ни человѣчности... Вотъ почему было бы желательно, чтобы всѣ лица, желающія вступать членами въ „Общества Народныхъ Домовъ“, могли это дѣлать безпрепятственно безъ всякихъ выборовъ, чтобы доступъ былъ свободенъ для всѣхъ.

Нѣкоторый контроль Земства можетъ быть полезенъ и въ томъ случаѣ, если управленіе Народнымъ Домомъ попадетъ въ руки кружку лицъ, увлекающихся односторонно, напр. только театральными представленіями, при чемъ другія стороны жизни этого учрежденія остаются обыкновенно въ пренебреженіи и могутъ придти совсѣмъ въ упадокъ. Такое положеніе дѣлъ весьма возможно тамъ, гдѣ выборъ лицъ, преданныхъ дѣлу просвѣщенія и культуры, ограниченъ, гдѣ приходится дорожить всякою живою силой, пригодной для Народнаго Дома.

Наконецъ, устройство и веденіе большихъ *центральныхъ Народныхъ Домовъ* по болѣе широкому плану, въ качествѣ питомника и разсадника для учрежденій по внѣшкольному образованію и по разумнымъ развлеченіямъ, должны войти плано-мѣрно въ задачи мѣстныхъ самоуправленій и просвѣтительныхъ организацій. У нихъ долженъ найтись и особый кадръ специалистовъ по внѣшкольному образованію, которые могли бы помочь этому дѣлу на мѣстахъ въ качествѣ инструкторовъ.

При оборудованіи Народнаго Дома не слѣдуетъ пренебрегать разнаго рода пособиями, образовательными, художествен-

ными, музыкальными, прикладного знанія и т. п., которыя—конечно, при условіи разумнаго выбора—могутъ привлечь интересъ и симпатіи посѣтителей и повысить привлекательность учрежденія для взрослыхъ и малолѣтнихъ. Сюда относятся игры (шашки, шахматы), граммофонъ, приборы для дѣтскихъ игръ и т. п. Громадное образовательное значеніе имѣетъ *кинематографъ* („живая фотографія“) съ его картинами изъ области природы, искусства, промышленности, техники, исторіи, географіи и т. п. (кинематографъ—киноскопъ съ ацетилено-кислороднымъ освѣщеніемъ); эти сеансы должны сопровождаться объяснительнымъ чтеніемъ.

Вообще при оборудованіи Народнаго Дома слѣдуетъ имѣть въ виду ужасающую малограмотность сельскаго населенія, его малокультурность и народно-хозяйственную, экономическую отсталость; если прибавить сюда низкую производительность труда и слабость организаторскихъ силъ, то станетъ понятнымъ—въ какомъ направленіи слѣдуетъ по преимуществу вести дѣло устройства Народнаго Дома, его оборудованія и работы въ немъ, чтобы его наглядныя пособія и занятія принесли наибольшую пользу. Поэтому на первомъ планѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы ввести въ народное сознаніе элементы или начатки культурности и гражданской этики, исходя изъ общечеловѣческихъ идеаловъ и законовъ. Въ этомъ направленіи огромное значеніе имѣетъ разумный выборъ театральныхъ представленій, далѣе литературныхъ и научныхъ произведеній для громкаго прочтенія въ аудиторіи, для читальни, для послѣдующихъ собесѣдованій. Необходимо избѣгать мудренныхъ понятій и сложныхъ концепцій, лишь затемняющихъ сознаніе; надо давать здравыя представленія объ окружающемъ мірѣ и событіяхъ, ясныя понятія, усваиваемыя разумомъ, а не чувствами и инстинктами.—Крайне желательно, чтобы дѣятели Народныхъ Домовъ стремились внушать народу *уваженіе и довѣріе къ научному знанію*, выясняя его великое жизненное значеніе и его безпристрастіе, объективность; чтобы они старались ознакомить съ культурными благами, которыя смягчаютъ нравы, сдерживаютъ животные инстинкты и облагораживаютъ самую жизнь. Этимъ дѣятелямъ всѣми мѣрами слѣдуетъ научно ознакамливать населеніе съ такими культурными и просвѣтительными приобрѣтеніями и богатствами челоуѣчества, какъ научныя и техническія знанія и силы, власть надъ природой, мораль, языкъ, литература, искусство, право и т. д.

Надо внушать стремленіе къ умственному совершенствованію, поддерживать и развивать любознательность, пытливость ума, художественное чувство. Въ такомъ общеніи, навѣрно, удастся обнаружить среди посѣтителей такіе таланты и дарованія, которые безъ этого могли бы загдохнуть и погибнуть (см. выше гл. I).

Приведенное выше перечисленіе культурно-просвѣтительныхъ, кооперативныхъ, промысловыхъ и другихъ учреждений и организацій ясно указываетъ на широкое значеніе Народныхъ Домовъ, какъ объединяющихъ центровъ, для населенія деревень и маленькихъ мѣстечекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вышеприведенныя разъясненія объ ихъ культурной роли опровергаютъ возраженіе, по которому упомянутое объединеніе является чѣмъ то случайнымъ, механическимъ.

Мы твердо увѣрены, что при разумной постановкѣ дѣла Народныхъ Домовъ, пройдетъ сравнительно немного лѣтъ и ихъ благотворное вліяніе обнаружится на развитіи образованія, культурныхъ навыковъ и привычекъ, на болѣе широкомъ распространеніи специальныхъ знаній и свѣдѣній по земледѣлію, огородничеству, кустарнымъ промысламъ и др.

Главную и существенную роль въ дѣлѣ устройства Народныхъ Домовъ слѣдуетъ признать за городскими и земскими самоуправленіями, а также за просвѣтительными, кооперативными, профессиональными общественными организаціями, въ программу которыхъ входятъ и культурно-просвѣтительныя задачи. Важное участіе въ этомъ дѣлѣ во многихъ мѣстахъ нашего отечества уже проявили кооперативы разныхъ типовъ; ихъ значеніе, какъ инициаторовъ и учредителей, особенно цѣнно въ деревнѣ, которая столь бѣдна живыми социальными силами. Участіе Земства по оказанію помощи денежной, справочной, по составленію плановъ, смѣтъ, эскизовъ, примѣрныхъ уставовъ и т. п., оказалось также плодотворнымъ уже во многихъ мѣстахъ.

Признавая необходимость устройства Сельскихъ Народныхъ Домовъ, какъ мѣстныхъ объединяющихъ центровъ культурно-просвѣтительнаго и общественно-воспитательнаго значенія, разные Земства однако нѣсколько расходились во взглядахъ относительно практическаго осуществленія, именно относительно инициативы, права собственности, денежныхъ средствъ, завѣдыванія и др.

Пермское Губернское Земское Собрание постановило (въ 1911 году) пригласить въ этомъ дѣлѣ въ сотрудничество сельскіе кооперативы и другіе общественныя организаціи, въ программы которыхъ могутъ входить и культурно-просвѣтительныя задачи. Но главнымъ условіемъ это Земство признало (въ 1914 году) наличность *мѣстной* инициативы, которая должна пробудить самопомощь и самодѣятельность населенія въ указанномъ направленіи. Въ случаѣ удовлетворенія такого требованія, инициаторы получаютъ отъ Земства денежную и техническую помощь, какъ добавленіе къ средствамъ, собраннымъ на мѣстѣ. Наконецъ, земство признало необходимымъ сплоченіе и объединеніе устроителей Народнаго Дома въ видѣ особаго „Общества“, въ составъ котораго могли бы войти мѣстные дѣятели, наиболѣе интересующіеся такимъ культурнымъ дѣломъ. Такимъ путемъ ему можетъ быть придана большая самостоятельность и устойчивость. Къ 1915 г. Пермское Губернское Земство получило свыше 60 просьбъ о денежной субсидіи на устройство Народныхъ Домовъ (отъ сельскихъ обществъ, кредитныхъ товариществъ, потребительскихъ обществъ и др.). Кстати замѣтимъ, что оно же постановило вносить для этого дѣла въ теченіе 10 лѣтъ въ смѣту ежегодно по 100000 р.

Такимъ образомъ по проекту этого Земства Нар. Дома являются чисто мѣстными учрежденіями и по почину, и по своей дальнѣйшей самостоятельной дѣятельности; центръ тяжести всего дѣла переложень на мѣстныя живыя силы—на самодѣятельность.

Уфимское Губернское Земство признало, напротивъ, необходимымъ выработать *планомѣрную* сѣть сельскихъ Народныхъ Домовъ (съ 3-хъ верстнымъ радіусомъ обслуживанія), а также устраивать центральные волостные Дома и еще болѣе обширные—уѣздные. Выдавая денежные субсидіи, Земство однако не беретъ въ свою собственность эти учрежденія, которыя устраиваются мѣстными инициаторами и при наличности мѣстныхъ собранныхъ средствъ.

Всероссійскій Земскій Съѣздъ по народному образованію (1911 г.) считалъ также необходимымъ устройство *районныхъ* Народныхъ Домовъ для помощи и объединенія дѣятельности мѣстныхъ таковыхъ учреждений, какъ служащихъ преимущественно для цѣлей внѣшкольнаго образованія.

Другія Земства находили нужнымъ значительно усилить свое участіе и не только въ устройствѣ Народныхъ Домовъ,

но также и въ ихъ управленіи и завѣдываніи; такъ напр., *Московское* уѣздное Земство считаетъ самыя „Общества Народныхъ Домовъ“ *земскими* учрежденіями, а не самостоятельными мѣстными организаціями.

Ставропольское Губернское Земство признаетъ эти Дома Земскими; управляющія ими лица назначаются Губернскою Земскою Управой. Въ такомъ же смыслѣ высказалось и *Полтавское* Губернское Земство (въ 1914 г.).

Въ пользу преобладающаго значенія вообще Земства, какъ мѣстнаго самоуправленія, въ дѣлѣ устройства Народныхъ Домовъ приводятъ, между прочимъ, два мотива: 1) оно можетъ создать *планомѣрную сѣть* сельскихъ Нар. Домовъ; 2) въ его вѣдѣніи уже состоятъ учрежденія по *внѣшкольному образованію*, имъ устроенныя и имъ управляемыя.

Конечно, эти мотивы никоимъ образомъ не уменьшаютъ права инициативы со стороны мѣстныхъ отдѣльныхъ лицъ и организацій, такъ какъ таковыя частныя, не земскія учрежденія легко могутъ быть введены въ *планомѣрную сѣть*, принятую Земствомъ. Кромѣ того, въ извѣстномъ смыслѣ, развитіе *мѣстной самодѣятельности и общественной организованности* можетъ имѣть еще большій смыслъ и значеніе, чѣмъ само по себѣ систематическое осуществленіе опредѣленнаго Земскаго плана.

Во всякомъ случаѣ, интересы порядка и завѣдыванія вообще требуютъ, чтобы управленіе Народнымъ Домомъ, всѣми его учрежденіями, принадлежало одной какой либо организаціи —земству или специальному Обществу, или кооперативу и т. п. Едва ли удобно такое раздѣленіе правъ, какъ это кое гдѣ встрѣчается, чтобы самыя постройки принадлежали, напр. кредитному товариществу, чайная—попечительству о народной трезвости, библіотека—Земству и т. д. Это допустимо или, быть можетъ, даже неизбежно кое гдѣ по мѣстнымъ условіямъ; но во всякомъ случаѣ надо стремиться къ *единству* управленія Народн. Домомъ, представляющему несомнѣнныя преимущества согласованности и успѣшности, если желаютъ достигнуть дѣйствительно плодотворныхъ результатовъ его просвѣтительной дѣятельности, а не вести это дѣло кое-какъ, „на авось“. При указанномъ условіи явится возможность содѣйствовать достиженію просвѣтительныхъ цѣлей возможно полнѣе и разностороннѣе, используя для этого *планомѣрно* всѣ средства и пособія Народнаго Дома во всѣхъ его учрежденіяхъ. Съ этой

цѣлью его дѣятели, завѣдывающій и его помощники, должны путемъ *частыхъ собесѣдованій* по возможности сближаться съ посѣтителеми, изучать ихъ интересы и потребности, ихъ подготовку и міровоззрѣніе, мѣстный бытъ и нравы. Только этимъ путемъ можно будетъ успѣшно бороться съ народною тьмой, съ суевѣріями и предрасудками, съ дѣтскимъ легковѣріемъ массы и слабостью критической ея мысли. Мѣстнымъ дѣятелямъ, преданнымъ идеѣ культурно-просвѣтительнаго развитія народа, приходится затрачивать много труда и времени, много вниманія и сердечнаго участія. Но это явится только тогда, когда они будутъ чувствовать себя достаточно свободными въ своей работѣ, безъ непрерывной опеки и безъ постоянного вмѣшательства со стороны какой либо власти въ лицѣ владѣльца или „начальства“.

Съ другой стороны сами дѣятели Народнаго Дома, конечно, съ радостью примутъ всякаго рода руководящія указанія и совѣты, если они будутъ исходить изъ компетентнаго и благожелательнаго источника. Никто не долженъ смотрѣть на это дѣло какъ на свое личное, а потому говорить о вмѣшательствѣ чьего либо самолюбія—и не стоитъ. Поэтому же, по нашему мнѣнію, никакая ревизія со стороны владѣльца Народнаго Дома (земства, сельскаго общества, кооператива, какой либо иной организаціи) не можетъ сама по себѣ заключать въ себѣ чего либо обиднаго для дѣятелей этого учрежденія. Интересы общаго благого дѣла, конечно, несравненно выше всякихъ личныхъ интересовъ и побужденій.

Для веденія такого большого и отвѣтственнаго дѣла, каковы учрежденія Народнаго Дома, требуется не только знаніе его, но и извѣстная выдержка, которая не позволяла бы слишкомъ увлекаться и фантазировать, напр. при выборѣ книгъ, темъ для лекцій, театральныхъ пьесъ, литературныхъ произведеній для чтенія въ аудиторіи и т. п. Необходимо принимать во вниманіе степень подготовки слушателей, уровень развитія, ихъ потребности, бытовые и мѣстныя условія; въ этомъ надо болѣе держаться простыхъ, трезвыхъ взглядовъ на реальныя условія и поменьше спѣшить съ пріобщеніемъ ихъ къ высшимъ произведеніямъ литературы и науки, далеко превышающимъ уровень подготовки и пониманія сельчанъ... Чтобы дойти до большого, надо начать съ малаго! Какъ ни досадливо скучна систематическая, планомѣрная, медленная работа, все же она принесетъ гораздо больше пользы для народнаго просвѣ-

щенія, чѣмъ посѣвъ дорогихъ сѣмянъ на совершенно неподготовленной почвѣ.

Говоря вообще, управление Народными Домами должно остаться по возможности въ рукахъ самого населенія, въ лицѣ его наиболѣе толковыхъ и энергичныхъ дѣятелей, преданныхъ дѣлу просвѣщенія; только при этомъ условіи учрежденія будутъ въ состояніи успѣшно выполнять свои культурныя задачи. Во всякомъ случаѣ здѣсь совершенно неумѣстна бюрократическая форма завѣдыванія, въ которой удѣляется такъ много подобострастнаго вниманія къ воззрѣніямъ и желаніямъ „начальства“ и такъ мало живого, искренняго участія къ самому дѣлу, къ его существеннымъ задачамъ и преуспѣянію. Тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ канцелярская отписка и лишь видимость порядка и благополучія, тамъ такая формалистика можетъ лишь изсушить молодое, живое дѣло или извратить его существо, подчинивъ какимъ либо чуждымъ интересамъ и побужденіямъ. Вотъ почему въ устройствѣ и въ управленіи Народныхъ Домовъ должно быть предоставлено мѣсто и мѣстнымъ дѣятелямъ, которые уже многократно, въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, доказали свою способность вкладывать „духъ живъ“ въ общественныя культурныя начинанія.

Въ концѣ считаю необходимымъ привести еще мнѣнія „изъ народа“ относительно Народнаго Дома, отлично выясняющія мотивы его учрежденія.

На открытіи Харьковскаго Народнаго Дома (Харьк. Об-ва Грамотн.), 2 Февраля 1903 г., одинъ изъ представителей рабочихъ сказалъ въ своей привѣтственной рѣчи слѣдующее: „Давно, очень давно люди сознали, что душа у всѣхъ одинакова; но на долю однихъ выпало много, а на долю другихъ почти ничего пріятнаго, а жить хочется всѣмъ, и вотъ эти то люди еще съ самыхъ малыхъ лѣтъ окунаются въ пошлую, безобразную трактирную жизнь и еще съ малыхъ лѣтъ такимъ образомъ губятъ въ себѣ все человѣческое“... „И это помѣщеніе... предназначается для нихъ, для маленькихъ и забытыхъ людей, и въ этихъ комнатахъ имъ уже не будутъ преподносить какихъ нибудь уже давно постылыхъ трактирныхъ развлеченій, а дадутъ, я думаю, полезную духовную пищу, а этой пищи еще много надо для русскаго народа“. Другой рабочій въ своей рѣчи тамъ же указалъ на внутренніе мотивы благого начинанія: „...Это зданіе есть результатъ проникнувшаго въ нашу жизнь сознанія о необходимости любить ближняго своего, какъ самого себя,

уважать его (человѣческое) достоинство на столько, на сколько ты хотѣлъ бы, чтобы уважали тебя“... ..”Пусть же сегодняшний праздникъ открытія дверей Народнаго Дома послужитъ намъ лучшимъ залогомъ взаимныхъ стремленій къ высокому сознанию долга и уваженію къ человѣческой личности, къ воплощенію истины и справедливости въ общественныхъ формахъ“...

Полагаю нелишнимъ указать здѣсь на нѣкоторыя изданія, пригодныя для ознакомленія съ вопросами внѣшкольнаго образованія.

Е. Медынский. Внѣшкольное образованіе; его значеніе, организація и техника. 1913 г. ц. 1 р. 60 к.

Е. Медынский. Методы внѣшкольной просвѣтительной работы. 1915 г.

Л. Б. Хавкина. Руководство для небольшихъ библіотекъ.

В. Чарнолускій. Основные вопросы организаціи внѣшкольнаго образованія въ Россіи.

В. Чарнолускій. Земство и народное образованіе. 1910 г.

С. Сьрополко. Основные вопросы внѣшкольнаго образованія. 1913 г.

С. Сьрополко. Внѣшкольное образованіе. 1912 г. ц. 40 коп.

„Харьковское Общество Грамотности“. Руководство къ веденію народныхъ чтеній.

„ „ Народная Энциклопедія. Томъ X. Народное Образованіе.

Е. Звягинцевъ. Земство и внѣшкольное образованіе народа. „Вѣстникъ воспитанія“ 1914 г.

Е. Звягинцевъ. Полвѣка земской дѣятельности по народному образованію. Изданіе 2-ое. М. 1918 г.—ц. 2 р.